

P. o. russ. 117 $\frac{Y}{-}$ (1

<36628639880011

<36628639880011

Bayer. Staatsbibliothek

Р. о. н. н. 117 5

Баллады и повѣсти

В. А. Жуковскаго.

25 3
Санктпетербургъ.

1851.

Б. 38.17 ✓

25

БАЛЛАДЫ И ПОБЕДЫ

В. А. ВЯКОВСКИЙ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

1871

v. 1/20m

P.O. m. m.

117 ⁴

(1)

БАЛЛАДЫ.

BY VV DP.

БАЛАДЫ И ПОВѢСТИ

В. Ж

Часть первая.

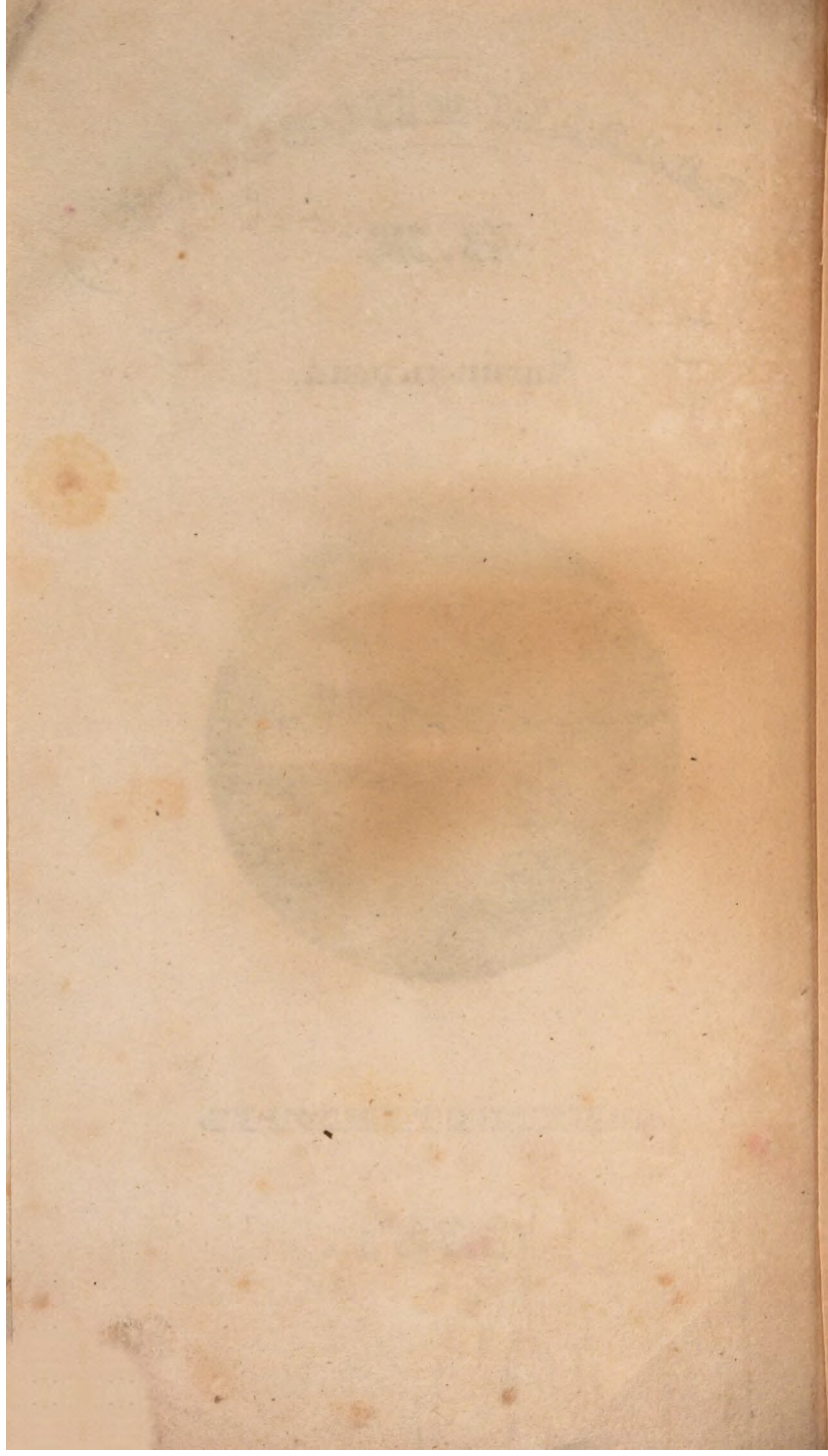
Стр. 41.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1831.

Div. 3817 ✓

Inc. Sarony.

Spae: Vicki.

БАЛЛАДЫ и ПОВѢСТИ

В. А. ЖУКОВСКАГО.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ,

съ гравированною виньеткою и картинкою.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ВОЕННОЙ ТИПОГРАФІИ ГЛАВНАГО ШТАБА
ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

1831.

Омскъ 1831.

*Изъ Императорскаго Благодарнаго
Пункта. — А. Оленинъ
12. Декаб. 1831.*

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ шѣмъ, чшобы, по оппечашаніи, предспавлены
были въ Цензурный Комитетъ при экземпляра.
С.-Пешербургъ, Іюня 7 дня, 1831 года.

Ценсоръ Николай Щегловъ.

Bayerische
Staatbibliothek
München

Изданіе книгопродавца Смирдина.

*Въ книжномъ магазинѣ
Смирдина въ С.-Петербургѣ
1831 года.*

АЛИНА и АЛЬСИМЪ.

АЛИНА и АЛЬСИМЪ.

Вотъ Алина
Что въздохъ въ вѣтѣхъ морскихъ
Себя радиль
Богатырствъ въ вѣтѣхъ морскихъ
Одно: любовь!

Вотъ Альсимъ, юный въ вѣтѣхъ,
Сладость думъ
Или: въ вѣтѣхъ морскихъ
А въ вѣтѣхъ
И вдругъ вразумилъ для дружка
Любовь забылъ —
Что вѣтъ старинная юная
И вѣтъ въ вѣтѣхъ

АЛИНА и АЛЬСИМЪ.

За что, за что вы разорвали
Союзъ сердецъ?

Вамъ розно быть! вы имъ сказали —
Всему конецъ!

Что пользы въ плащѣ золотое
Себя радишь!

Богачество на землѣ прямое
Одно: любишь!

Когда случится, жизни въ цвѣтѣ,
Сказать душой

Ему: ты будь моя на свѣтѣ!

А ей: ты мой!

И вдругъ придется для другаго

Любовь забыть —

Что жребія спрашивать шакаго?

И лъзя ли жить?

Алина мапери опкрылась:

«Мнѣ милъ Альсимъ!

Давно я въ шайнѣ обручилась

Душою съ нимъ;

Давно люблю ему сказала;

Дай счастье намъ!»

— Нѣтъ, дочь моя, за Генерала

Тебя опдамъ! —

И въ монастырь свяшой Ирины

Опвозишь дочь.

Тоска-печаль въ душѣ Алины

И день и ночь.

Три года длилося изгнанье;

Не усладилъ

Ни разу другъ ея спраданье:

Но все онъ милъ.

Однажды.... о, какъ свѣтъ коварень!....

Сказала мапъ:

«Любовникъ швой неблагодарень»,

И ей чипапъ

Она даепъ письмо Альсима.

Его черпы:

Прости! другая мной любима:

Свободна ты!

Гопово все: женихъ приходишь;

Идушь во храмъ;

Вокругъ наложихъ обводишь

Священникъ шамъ.

Увы, Алина, что съ тобою?

Кто твой супругъ?

Ты сердца не дала съ рукою —

Въ немъ прежній другъ!

Какъ смиренный агнецъ на закланье,

Вся убрана:

Вокругъ веселье, ликованье —

Она грустна.

Алмазы, плащья, ожерелья

Ей мать даришь:

Напрасно . . . прежняго веселья

Не возвраишь.

Но какъ же дни свои смиренно

Ведешь она!

Вся жизнь семьѣ уединенной

Посвящена.

Алины сердце покорилось

Судьбѣ своей;

Супругу жъ то, что сохранилось

Опъ сердца ей.

Но все, по прежнему, печали
 Душа полна;
 И что бы взоры ни встрѣчали —
 Все мысль одна!
 Такъ безушѣшная помила
 Пяшь лѣшь себя,
 Все упрекая, что любила,
 И все любя.

Разлуки жизнь воспоминае;,
 Имъ полонъ свѣтъ;
 Хопѣшь прогнашь его — спраданье,
 А пользы нѣтъ!
 Все по неволѣ улешаемъ
 Къ мечпѣ своей;
 Твердя: забудь! напоминаемъ
 Душѣ объ ней.

Однажды, приунывъ, Алина
 Сидѣла; вдругъ
 Купца къ ней вводишь Армянина
 Ея супругъ.
 «Вопѣ цѣпи, дорогія шали,
 Жемчугъ, коралль!
 Они лѣкарство опѣ печали;
 Я шакъ слыхалъ.»

На что намъ деньги? На веселье!

Кому ихъ жаль?

Купи, что хочешь: ожерелье,

Цвпочку, шаль,

Или жемчугъ у Армянина;

Вопъ кошелёкъ!

Я скоро возвращусь, Алина!

Проспи, дружокъ!»

«Товары передъ ней опкрывши,

Купецъ молчишь;

«Алина, голову склонивши,

Какъ не глядишь.

Онъ, взоръ попуя, разбираетъ

Жемчугъ, алмазь;

Подносишь, молча; но вздыхаетъ

Онъ каждый разъ.

Блispала красота молодая

Въ его чертахъ:

Но блѣденъ; борода густая;

Печаль въ глазахъ.

Мила для взора живоспъ цвѣща,

Знакъ юныхъ дней;

Но блѣдный цвѣтъ, поски примѣща,

Еще милѣй.

Она не видишь, не внимаешь —
Мысль далеко!

Но часто, часто онъ вздыхаешь,
И глубоко.

Что (мыслишь) онъ такой унылой?
Чѣмъ оскорбленъ?

Ахъ, если поперялъ, что мило,
Какъ жалокъ онъ!

« Скажи, что случилось съ тобой?
О чемъ печаль?

Не опъ любви ль? ... Ахъ, всей душою
Тебя мнѣ жаль! »

— Что пользы? Горя намъ словами
Не упоишь!

И невозвратнаго слезами
Не возвратишь!

— Одно сокровище безцѣнно
Я въ міръ зналъ;

Подобнаго Творецъ вселенной
Не создавалъ!

И я одно имѣлъ въ предметъ:
Имъ обладаю!

За то бы радъ былъ все на свѣтъ —
И жизнь опдаю!

— Какъ было сладко любовапсья

Имъ въ день спо разъ!

И въ мысляхъ я не могъ распашсья

Съ нимъ ни на часъ!

Но Року вздумалось лихому

Мнѣ повредитъ,

И счастье мое другому

Съ нимъ подаритъ!

Всѣхъ въ жизни радостей лишенный,

Съ моей шоской

Я побѣжалъ, какъ осужденный,

На край земной:

Но ахъ, опъ сердца то, что мило,

Кто опорветъ!

Что разъ оно здѣсь полюбило,

Съ шѣмъ и умретъ. —

« Скажи же, что твоя ушраша?

Злапой бокаль? »

— О нѣтъ: оно милѣе злаша! —

« Рубинъ, кораллъ? »

— Не пшяко потерашъ ихъ! — « Что же?

Царевъ алмазъ? »

— Нѣтъ, нѣтъ: алмазовъ всѣхъ дороже

Онъ спо разъ!

— Съпѣхъ поръ, какъ я все по, что льспило,
 Въ немъ погубилъ,
 Я самъ, на память, образъ милой
 Изобразилъ.
 И на черны его прелесны
 Смопрю въ слезахъ:
 Мои все блага поднебесны
 Въ его чершахъ! —

Алина слушала уныло
 Его разсказъ.
 «Могу ль на эпошъ образъ милой
 Взглянушь хошъ разъ?
 Алинъ, молча, какъ убитый,
 Онъ подаетъ
 Парчею досканецъ обвиный,
 Самъ слезы льетъ.

Алина робкою рукою
 Парчу сняла;
 Дощечка съ надписью злобою;
 Она прочла:
 Здѣсь все, что я осиротѣлой
 Моимъ зову!
 Что мнѣ отъ счастья уцѣлѣло;
 Все, чѣмъ живу!

дощечку съ препенѣмъ раскрыла —

И что же тамъ?

Что новое судьба явила

Ея очамъ?

Дрожишь, дыханье прекратилось....

Какой предметъ!

И въ комъ бы сердце не смутилось?...

Ея порепенъ!

— Алина, пробудись другъ милой!

Съ тобою я!

Ничто души не измѣнило;

Она своя!

Въ послѣдній разъ: люблю Алину!

Пришелъ сказать;

Тебя покинувъ, жизнь покину,

Чтобъ не спастись.

Алина съ горемъ и поскою

Ему въ отвѣтъ:

«Альсимъ! я вѣрной бывъ женою

Дала обѣтъ!

Хоть долгъ и тяжкой и поспылой:

Все покорись!

А ты — не умирай, другъ милой! —

Но.... удались!»

Алинѣ руку на прощанье

Онъ подаеиъ:

Она беретъ ее въ молчаньѣ

И къ сердцу жметъ.

Вдругъ входитъ мужъ; какъ въ испугъ

Онъ задрожалъ,

И имъ во грудь въ одно мгновенье

Вонзилъ кинжалъ.

Альсима нѣтъ; Алина дышитъ: —

Невинна я!

(Такъ говоритъ) Всевышній слышитъ

Насъ Судія!

За что жъ рука твоя пронзила

Алинѣ грудь?

Но Богъ съ тобой; я все проспала

Ты все забудь!

Убійца съ той поры помнится

И ночь и день:

Повсюду вслѣдъ за нимъ влачусь

Алины тѣнь;

Обагрена кровавымъ покомъ

Вся грудь ея;

И говоритъ ему съ упрёкомъ: —

Невинна я!

ВАРВИКЪ.

ВАРВИКЪ.

Никто не зрѣлъ, какъ нѣкую бросилъ въ волны

Здѣшня залъ Варвикъ;

И слышали одинъ брѣгъ безмолвнымъ

Младенца жалкій крикъ.

Сынъ вѣдальника сибирскаго губителя

Владыкой вѣдальникъ былъ —

И ль Ирангторъ уже, какъ возманился,

Торжественно вступилъ.

Сидѣлъ среди цѣвнущаго рѣчья

Сибирскій Ирангторъ,

И вѣдальникъ съ вѣдоу его каршана

Пожелуду вѣдальникъ.

Ахъ, речу на прощанье съ твоею
 Охъ, подаясь, отъ тебѣ уйдю
 Охъ, беречь ее въ поминѣхъ твоихъ
 И къ страдѣ мнѣ въ сердце
 Вдругъ мнѣ вѣсть, что ты въ изгнѣннѣхъ
 Охъ, задрожавъ, въ сердце
 И въ тебѣ, въ груди, въ одно мгновенье
 Возникъ хлылъ въ сердце

В А Р В Н К Р.

(Ты, государь, возлюбилъ, возлюбилъ)
 Насъ, Суди!
 За что въ руку твою пропала
 Ахъ, грудь, ахъ, грудь!
 Но Богъ съ тобой, и все простилъ
 Ты все забудь, ахъ, забудь!
 Убийца съ мной, и ты, и ты
 И ночь и день, и ты, и ты
 Повсюду, вездѣ, за мной, за мной
 Даны тѣбѣ;
 Обернулъ кровавый пологъ
 Вся грудь ея;
 И говоришь ему съ упрямствомъ:
 Неужли х...

ВАРВИКЪ.

Никто не зрѣлъ, какъ ночью бросилъ въ волны
Эдвина злой Варвикъ;
И слышали одни берега безмолвны
Младенца жалкій крикъ.

Опѣ подданныхъ погибшаго губитель
Владыкой признанъ былъ —
И въ Ирлингфоръ уже, какъ повелитель,
Торжественно вступилъ.

Споялъ среди цвѣпущія равнины
Спаринный Ирлингфоръ,
И пышныя съ высотъ его картины
Повсюду видѣлъ зорь.

Авонъ, шумя подъ древними спѣнами,
 Ихъ пѣной орошалъ,
 И низкій брегъ съ лѣсиспыми холмами
 Въ спруяхъ его дрожалъ.

Тамъ пламенѣлъ береговъ на пихомъ склонѣ
 Закапъ сквозь рѣдкій лѣсъ;
 И препепалъ во дремлющемъ Авонѣ
 Съ звѣздами сводъ небесъ.

Вдали, вблизи разсыпанныя села.
 Дымились по упрямя;
 Опъ рѣзвыхъ спадъ равнина вся шумѣла,
 И впорилъ лѣсъ рогамя.

Былъ пупникъ радъ, съ дороги соврапяся,
 На Ирлингфоръ взглянушь,
 И, красошой каршинъ его плѣняся,
 Онъ забывалъ свой пупъ.

Одинъ Варвикъ былъ чуждъ красамъ Природы:
 Вопще въ его глазахъ
 Цвѣпупъ лѣса, віяся блещущъ воды,
 И радость на лугахъ!

И успремись, препенущій, не смѣясь

Онъ взира на Авонъ:

Опшоль зефиръ во слухъ убійцы вѣсть

Эдвиновъ жалкій спонъ.

И въ тишинѣ безмолвной полуночи

Все пошъ же слышенъ крикъ,

И чюдятся блистающія очи,

И блѣдный, спранный ликъ.

Вопще Варвикъ съ родныхъ береговъ уходись —

Пріюща въ міръ нѣшь:

Спрашилищемъ ужаснымъ совѣсь бродись

Вездѣ за нимъ во слѣдъ.

И онъ пришелъ опянь въ свою обитель:

А сладосный покой,

И бѣдоспи веселый постъпиль,

Въ дому его чужой!

Часы споянь, окованы шоскою;

А мѣсяцы бѣгунъ

Бѣгунъ — и день убійства за собою

Невидимо несунъ.

Онъ наспунилъ; со спрахомъ провожаешъ

Варвикъ ночную пѣнь:

Дрожи (ему гласъ совѣспи вѣщаешъ) —

Эдвиновъ смертный день!

Ужасный день: опъ молній небо блещетъ;

Опвсюду вихрей спонъ;

Дождь ливмя льетъ; волнами съ воемъ плещетъ

Разлившійся Авонъ.

Воппе Варвикъ, среди веселій шума,

Цѣдитъ въ бокаль вино:

Съ нимъ за споломъ сядишя рядомъ Дума:

Пипье оправлено.

Тоскующій и грозный призракъ бродитъ

Въ толпѣ его госпей;

Вездѣ предъ нимъ; съ лица его не сводишъ

Пронзительныхъ очей.

И день угасъ! Варвикъ спѣшитъ на ложе....

Но и въ пиши ночной,

И на одрѣ уединенномъ поже:

Тамъ сонъ, а не покой!

И мнишь онъ зрѣшь пришельца изъ могилы:

Тѣнь брапа предъ собой!

Въ черпахъ болѣзни, ликъ блѣдный, взоръ унылый,

И голосъ гробовой!

Таковъ онъ былъ, когда встрѣчалъ кончину;

И шопъ же слышенъ гласъ,

Какимъ молилъ онъ бытъ опцемъ Эдвину

Варвика въ смерпный часъ:

« Варвикъ, Варвикъ! Свершилъ ли данно слово?

Исполненъ ли обѣщъ?

Варвикъ, Варвикъ! Возмездіе гошова:

Гошовъ ли швой опвѣщъ? »

Воспрянулъ онъ — гласъ смолкнулъ — разъяренной

Одинъ во мглѣ ночной

Ревѣль Авонъ — но для души смященной

Былъ сладокъ бури вой!

Но вдругъ — и въявь, средъ шума и волненья,

Раздался смупный крикъ:

« Спѣши, Варвикъ, спасись опъ попопленья:

Бѣги, бѣги, Варвикъ! »

И къ берегу онъ спремился — подъ спѣною
 Уже Авонъ кипишъ;
 Глухая ночь; одѣло небо мглою;
 И мѣсяцъ въ пучахъ скрышъ.

И молишъ онъ съ подъятыми руками:
 « Спаси, спаси, Творецъ! »
 И вдругъ — мелькнулъ челнокъ между волнами;
 И въ челнокъ пловецъ.

Варвикъ зовешъ, Варвикъ манишъ рукою —
 Не внемля шума волнъ,
 Пловецъ сидишъ спокойно надъ кормою,
 И правишъ къ берегу чолнъ.

И съ шрепешомъ Варвикъ въ челнокъ садися —
 Спрѣлой помчался онъ
 Молчишъ пловецъ... молчитъ Варвикъ... вошъ, мнишся,
 Имъ слышенъ пляжкѣй спонъ!

На спутника успавилъ кормщикъ очи:
 « Не слышался ли крикъ? »
 — Нѣшъ; просвиспалъ въ швой парусъ въперъ ночи;
 Смушясь, сказалъ Варвикъ.

— Правь, кормщикъ, правь, не скоро челнъ домчипся:

Гроза со всѣхъ споронъ! —

Умолкнули плывущъ вопль снова, мнищся,

Имъ слышенъ шажкій спонъ.

« Младенца вопль: онъ борется съ волною;

На помощь онъ зовещъ! »

— Правь, кормщикъ, правь, рѣка покрыва мглою:

Гдѣ взоръ его найдещъ? —

« Варвикъ, Варвикъ! Часъ смершнй зрѣшь ужасно;

Ужасно умирашь! »

Варвикъ, Варвикъ! Младенцу ли напрасно

Тебя на помощь звашь? »

« Во мглахъ ночной онъ бьется межъ водами;

Облищъ онъ хладомъ волнъ; »

Еще его не видимъ мы очами;

Но онъ нашъ видещъ чолнъ! »

И снова крикъ слабѣющій, дрожащій,

И близко челнока!

Вдругъ въ вышнѣ рога мѣсяца блещущій

Прорѣзалъ облака;

И съ яркими сліялася лучами,
 Какъ дымъ прозрачный, мгла,
 Зрящъ на скалъ дѣля между волнами;
 И понептъ ужъ скала.

Пловецъ гребетъ; челнокъ лепилъ спрѣлою;
 Въ смяпеніи Варвикъ;
 И озаренъ младенца ликъ луною;
 И спрашно блѣденъ ликъ.

Варвикъ дрожитъ — и руку, спраха полный,
 Къ младенцу пропянулъ —
 И, со скалы спрыгнувъ младенецъ въ волны,
 Къ рукъ его прильнулъ.

И вмигъ . . . дѣля, челнокъ, пловецъ незримы;
 Въ рукахъ его мерщвецъ:
 Эдвиновъ прупъ, холодный, недвижимый,
 Тяжелый, какъ свинецъ.

Упихло все — и небеса и волны:
 Исчезъ въ водахъ Варвикъ;
 И слышали одни берега безмолвны
 Убійцы спрашный крикъ.

ГАРАЛДЪ.

III. ГАРАЛДЪ.

Гаралдъ, бѣгая скочилъ,
При свѣтѣ лунныхъ лучей,
Вспомнилъ въ душѣ гудящей.

Опьяненный вѣтрами морей,
И жюльетъ и мѣсяца,
И гуломъ нѣжной болтовни,
Кружится въ вихряхъ гудящихъ.

Но что парадитъ по кустамъ?
Что зыблется въ лианахъ?
Что властныи съ вышнимъ,
И плещется въ волнахъ?

И в шкатулке саксаго лунки,
 Бела дала пророчий, жила,
 Давно на этой земле лаской владыки,
 И в шкатулке саксаго лунки.

Павлов гудит, владыка лаской саксаго,
 В шкатулке саксаго лунки.

И в шкатулке саксаго лунки,
 И в шкатулке саксаго лунки.

ТАРАУД.

И в шкатулке саксаго лунки,
 И в шкатулке саксаго лунки.

И в шкатулке саксаго лунки,
 В руках не жермать:
 Оздоровь веруе, владыка, медведкиный,
 Тяжелый, здесь саксаго.

Упихло все — в шкатулке саксаго лунки,
 Исчезь в воды Ворякты;
 И слышали один берег безжизнен,
 Убийцы саксаго лунки.

ГАРАЛЬДЪ.

Передъ дружиной на конѣ
 Гаральдъ, боецъ съдой,
 При свѣпѣ полныя луны,
 Въѣзжаепъ въ лѣсъ густой.

Опбипы вражьи знамена
 И вѣюпъ и шумяпъ,
 И гуломъ пѣсней боевыхъ
 Кругомъ холмы гудяпъ.

Но чпо порхаепъ по кустамъ?
 Чпо зыблепся въ лиспахъ?
 Чпо налспаепъ съ вышины,
 И плещепся въ волнахъ?

Чпо пакъ ласкаепъ , пакъ манипъ ?
 Чпо нѣжною рукой
 Снимаепъ мечъ , съ коня влечепъ
 И пянепъ за собой ?

То Феи! Въ легкій хороводъ
 Слешѣлись при лунѣ.
 Спасенья нѣпъ : ужъ всѣ бойцы
 Въ волшебной споронѣ.

Лишь онъ, беспрашный вождь Гаральдъ,
 Одинъ не побѣждёнъ :
 Въ неплѣнный съ ногъ до головы
 Булапъ закованъ онъ.

Пропали спутники его;
 Тамъ брошенъ мечъ, тамъ щипъ,
 Тамъ рженъ осиропѣлый конь
 И дико въ лѣсъ бѣжипъ.

И ѣдепъ сумрачно - унылъ
 Гаральдъ, боецъ сѣдой,
 При свѣпѣ полная луны
 Одинъ сквозь лѣсъ густой.

Но вопгь шумишгь, журчишгь ручей —
 Гаральдъ съ коня спрыгнулъ,
 И снялъ онъ шлемъ, и влаги имъ
 Спуденой зачерпнулъ.

Но только жажду утолилъ:
 Вдругъ обезсилѣлъ онъ;
 На камень сѣлъ, поникъ головой,
 И погрузился въ сонъ.

И вѣки на упесѣ помъ,
 Главу склоня, онъ спитъ:
 Сѣдые кудри, борода,
 У ногъ копье и щитъ.

Когда жь гроза и молній блескъ,
 И лѣсъ реветъ гуспой —
 Сквозь сонъ хвапаеися за мечъ
 Гаральдъ, боецъ сѣдой.

Но вонючий запах, жидкий блонд —

Тараканов с коня сбрасывали,

И снотворное, и яд и яд и яд

Синюхой заваривали.

Но только жидкий блонд:

Вдвигать обесчелюстных:

На камень срыг, поникла лавой,

И порубанная в коня

И вали на утесы шов,

Тяну склянку, она спит:

Судья вудри, борды,

У ноль коня и шипит.

Котля ж в розе и мольной блестя,

И вонючий запах, жидкий блонд

Склянку с коня сбрасывали,

И тараканов с коня сбрасывали,

И вонючий запах, жидкий блонд

Тараканов с коня сбрасывали,

И вонючий запах, жидкий блонд

Один коня сбрасывали.

ПУСТЫННИКЪ.

ПУСТЫННИКЪ.

Близко желалъ одиночества:

Привычный вижу свѣтъ.

Усталъ я; ширь кругомъ пустыня;

Завалъ въ глуши мой гнѣвъ;

Безбрежнѣй, мнѣлся, степь пустыня,

Чѣмъ дразъ я въконецъ.

— Мой слухъ (съ опухшею пустынною жандаромъ)

Ты призракомъ презираешь:

Опасень твой пустынною.

Но въ бездной сѣннцахъ свѣтъ.

ИЗДАНИЕ.

ПУСТЫННИКЪ.

«Веди меня, пуспыни жипель,

Свяпой Анахорепъ!

Близка желанная обипель:

Привѣпный вижу свѣпъ.

«Успаль я; пма кругомъ гуспая;

Запаль въ глуши мой слѣдъ;

Безбрежнѣй, мнипся, спепъ пуспая,

Чѣмъ даль я впередъ.»

— Мой сынъ (въ опвѣпъ пуспыни жипель), —

Ты призракомъ прельщѣнъ:

Опасенъ пвой пушеводишель —

Надъ бездной свѣпишъ онъ.

— Здѣсь чадамъ нищеты бездомнымъ
 Опверсна дверь моя,
 И скудныхъ благъ удѣломъ скромнымъ
 Дѣлюсь опѣ сердца я.

— Войди въ госпепріимну келью:
 Мой сынъ, передъ побой
 И брашно съ жесткою поспелью,
 И сладкій мой покой!

— Еспѣ спадо . . . но безвинныхъ кровью
 Руки я не багрить!
 Меня Творецъ Своей любовью
 Щадишь ихъ научилъ.

— Обѣдъ снимаю непорочный
 Съ пригорковъ и полей;
 Древа дають — плоды мнѣ сочны,
 А пишіе — ручей.

— Войди жъ въ мой домъ — забоишь шамъ чужды;
 Нѣтъ блага въ суешѣ:
 Намъ малыя даны здѣсь нужды;
 На малый мигъ и шѣ! —

Какъ свѣжая роса денницы,
 Былъ сладокъ сей привѣтъ —
 И робкій госпъ, склоня зеницы,
 Идетъ за спарцемъ въ слѣдъ.

Въ дичи глухой, непроходимой
 Его шайлся кровъ —
 Приюпъ для сироты гонимой,
 Для спранника покровъ.

Непышны въ хижинѣ уборы —
 Тамъ бѣднотъ и покой;
 И скрипнули дверей распворы
 Предъ мирною чешой.

И спарецъ зрипъ госпепріимной,
 Чпо госпъ его унылъ,
 И свѣшлый огонекъ онъ дымной
 Печуркѣ разложилъ.

Плоды и зелень предлагаепъ
 Съ приправой добрыхъ словъ;
 Бесѣдой скуку озлащаетъ
 Медлипельныхъ часовъ.

Кружишся рѣзвый копъ предъ ними;
 Въ углу кришишь сверчокъ;
 Трещишь межъ лисьями сухими
 Блещащій огонёкъ.

Но молчаливъ пришлецъ угрюмый;
 Печаль въ его черпахъ;
 Душа полна прискорбной думы;
 И слезы на глазахъ.

Ему пуспынникъ опвѣчаетъ
 Сердечною шоской.
 — О юный спранникъ, что смущаешь
 Такъ рано швой покой?

— Иль бышь убогимъ и бездомнымъ
 Творецъ тебѣ судилъ?
 Иль преданъ другомъ вѣроломнымъ?
 Или воппце любилъ?

— Увы, спокой себя: презрѣнны
 Упѣхи благъ земныхъ!
 А шопъ, кшо плачешъ, ихъ лишенный,
 Еще презрѣннѣй ихъ.

— Приманчивъ дружбы взоръ лукавой;

Но ахъ, какъ шѣнь во слѣдъ

Она за счастьемъ, за славой,

И прочь опъ хилыхъ бѣдъ!

— Любовь. . . . любовь Прелестъ игрою;

Оправа сладкихъ словъ;

Незрима въ мірѣ; лишь порою

Живетъ у голубковъ.

— Но, другъ, ты робостью спыдливой

Свой нѣжный полъ опкрылъ! — —

И очи спранникъ поропливой,

Красѣя, опушилъ.

Краса сквозь легкій проникаетъ

Спыдливости покровъ;

Такъ упрое тихое сіяетъ

Сквозь завѣсъ облаковъ.

Трепещутъ перси; взоръ склоненный;

Какъ роза, цвѣтъ ланишь

И дѣву-прелестъ изумленный

Опшельникъ въ гостѣ зришь.

« Проспишь ли, спарецъ, дерзновење,
 Чпо робкою спошой
 Вошла въ швое уединенье,
 Гдѣ Богъ одинъ съ тобой? »

« Любовь надеждъ моихъ губишель, . . .
 Моихъ виновникъ бѣдъ;
 Ищу покоя, но мучишель
 Тоска за мною въ слѣдъ. »

« Опець мой знапностію, славой
 И пышностію гремѣлъ;
 Я дней его была забавой;
 Онъ все во мнѣ имѣлъ. »

« И рыцари спеклись толпою:
 Мнѣ предлагали въ даръ —
 Тѣ чистый, сходный съ ихъ душою,
 А шѣ припворный жаръ. »

« И каждый леспью вѣроломной
 Привлечь меня мечпалъ. . .
 Но въ ихъ толпѣ Эдвинъ былъ скромной;
 Эдвинъ, любя, молчалъ. »

« Ему съ смиренной нищею
 Судьба одно дала:
 Плънять высокою душою —
 И та моей была.

« Роса на розѣ, цвѣтъ душистой
 Фіалки полевой
 Едва сравнишься могутъ съ чистотой
 Эдвиновой душой.

« Но цвѣтъ, съ небесною росой,
 Живутъ единый мигъ:
 Онъ одаренъ былъ ихъ красою,
 Я легкоспію ихъ.

« Я гордой, хладною казалась;
 Но миль онъ въ шайнѣ былъ;
 Увы, любя, я восхищалась,
 Когда онъ слезы лилъ!

« Несчастный, онъ не снесъ презрѣнья!
 Въ пусыню онъ помчалъ
 Свою любовь, свои мученья —
 И шамъ въ слезахъ увялъ!

« Но я виновна: мнѣ спраданье!

Мнѣ увядашь въ слезахъ!

Мнѣ будь пуспыня па изгнанье,

Гдѣ скрылъ Эдвиновъ прахъ!

« Надъ пихою его могилой

Конецъ свой встрѣчу я —

И приношеньемъ шѣни милой

Пусшь будетъ жизнь моя!»

— Мальвина! спарецъ восклицаетъ,

И палъ къ ея ногамъ.

О чудо! ихъ Эдвинъ лобзаетъ!

Эдвинъ предъ нею самъ!

— Другъ незабвенный, другъ единой!

Опяшь навѣкъ я швой!

Полна душа моя Мальвиной —

И здѣсь дышалъ побой!

— Забудь о прошломъ! Нѣтъ разлуки!

Самъ Богъ вѣщаетъ намъ;

Все въ жизни, радости и муки,

Ошнынъ по поламъ!

— Ахъ, будь и самый часъ кончины

Для двухъ сердець одинъ:

Да съ милой жизнію Мальвины

Угаснешъ и Эдвинъ!

М И Щ Е Н І Е.

— Ах, душа и сердце мое, ах, —

Душа и сердце мое, ах, —

Душа и сердце мое, ах, —

Душа и сердце мое, ах, —

Душа и сердце мое, ах, —

Душа и сердце мое, ах, —

Душа и сердце мое, ах, —

Душа и сердце мое, ах, —

— Душа и сердце мое, ах, —

Душа и сердце мое, ах, —

О душа и сердце мое, ах, —

Душа и сердце мое, ах, —

— Друга и сердце мое, ах, —

О душа и сердце мое, ах, —

Позна душа моя и сердце мое, ах, —

И душа и сердце мое, ах, —

— Забудь о прошлом! Иди, раздумай!

Сам Бог и сердце мое, ах, —

Все в жизни, радости и муке,

Опытай по дороге!

МЩЕНІЕ.

МЩЕНІЕ.

Убийцѣ заведемъ сажъ рыцаря бѣла.

Свершилось убійство ночью морей —
И прутья поглочены были глубокой рѣкой

И пшпоры и латы убійца не вѣла,
И въ вихрь на кося Паладина стѣла.

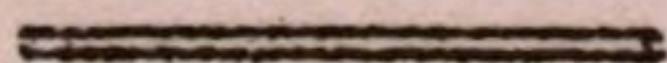
И мосты на конѣ проскакали отъ сѣвѣннѣхъ:
Но конь поднялся изъ дыбы и хранишь.

M III E H I E.

Она шпоры коня въ рѣзкѣ
Конь бѣгущій сбросилъ въ рѣзку сѣдла.

Она выскочила изъ всѣхъ вѣнчиковъ
Но всадникъ не могъ отъ удара.

МЩЕНІЕ.

Измѣной слуга Паладина убилъ:
Убійцѣ завиденъ санъ рыцаря былъ.

Свершилось убійство ночью порой —
И трупъ поглощенъ былъ глубокой рѣкой

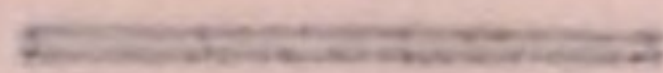
И шпоры и лапы убійца надѣлъ,
И въ нихъ на коня Паладинова сѣлъ.

И моспѣ на конѣ проскакалъ онъ спѣшишь:
Но конь поднялся на дыбы и храпишь.

Онъ шпоры вонзаетъ въ крупные бока:
Конь бѣшенный сбросилъ въ рѣку сѣдока.

Онъ выплыль изъ всѣхъ напрягаеиша силъ:
Но панцырь тяжелый его ушопилъ.

Е И Н Э Ш И

И вѣнчалъ коня въ шпору
И вѣнчалъ коня въ шпору

— И вѣнчалъ коня въ шпору
И вѣнчалъ коня въ шпору

И вѣнчалъ коня въ шпору
И вѣнчалъ коня въ шпору

И вѣнчалъ коня въ шпору
И вѣнчалъ коня въ шпору

РЫЦАРЬ ТОГЕНБУРГЪ.

«Сладко мнѣ пилосъ сестрою,

«Милый рыцарь, блудя!

«Но любезна мнѣ

РЫЦАРЬ ТОГЕНБУРГЪ.

«При разлуцѣ, при счастливѣ

«Сердце въ пылнѣ —

«И любви пилосъ сестрою

«Непокинуто мнѣ.»

Она глядитъ съ явной печалью —

Учавши рѣчь твою!

Руку сжать ей; крѣпкой сжатью

Грудь обожать;

Золотой рогъ сжать дружицу;

Всѣ узы на колахъ;

И погнавъ въ Палестину,

Крестить на рѣкѣхъ.

Она шпоры вонзает въ крупные бока:
Конь бѣгущий обросалъ въ рѣку сѣдока.

Она выжила въ сѣдлѣ наиражиста сала:
Но ланцетъ шпалелъ его ушонала.

В И Т Е Н И

В И Т Е Н И

В И Т Е Н И

В И Т Е Н И

В И Т Е Н И

В И Т Е Н И

РЫЦАРЬ ТОГЕНБУРГЪ.

« Сладко мнѣ пвоей сеспрою,

« Милый рыцарь, бышь!

« Но любовію иною

« Не могу любишь:

« При разлукѣ, при свиданьѣ

« Сердце въ пишинѣ —

« И любви пвоей спраданье

« Непоняпно мнѣ. »

Онъ глядитъ съ нѣмой печалью —

Учаспъ рѣшена!

Руку сжалъ ей; крѣпкой спалью

Грудь обложена;

Звонкій рогъ созвалъ дружину;

Всѣ ужъ на коняхъ;

И помчались въ Палестину,

Креспъ на раменахъ.

Ужъ въ полкъ враговъ сверкають

Грозно шлемы ихъ;

Ужъ опвагой изумляютъ

Чуждыхъ и своихъ.

Тогенбургъ лишь выйдетъ къ бою:

Сарацынъ бѣжитъ

Но душа въ немъ все поскою

Прежнею бодитъ.

Годъ прошелъ безъ упоенья;

Нѣтъ ужъ силъ спрадась!

Не найди ему забвенья

И покинулъ рапъ.

Зришь корабль — шумящъ въприлы,

Бьетъ въ корму волна —

Сѣлъ и поплылъ въ край поплъ милый,

Гдѣ цвѣщеть она,

Но спущися къ ней напрасно

Въ двери Пилигримъ;

Ахъ, онъ съ молвой ужасной

Опперлись предъ нимъ:

« Узы вѣчнаго обѣща

« Приняла она;

« И, погибшая для свѣща,

« Богу опдана. »

Пышны праопцевъ палапы

Бросишь онъ спѣшишь;

Навсегда покинулъ лапы;

Конь навѣкъ забышь;

Власяной покрышь одеждой,

Инокъ въ цвѣшь лѣшь,

Неукрашенный надеждой,

Онъ оставилъ свѣшь.

И въ убогой кельѣ скрылся

Близъ долины пош,

Гдѣ межъ темныхъ липъ свѣпился

Монастырь свяшой:

Тамъ — сіяло ль утро ясно,

Вечеръ ли темнѣлъ —

Въ ожиданьи, съ мукой спраспной,

Онъ одинъ сидѣлъ.

И душѣ его унылой

Счаспье щамъ одно:

Дожидапся, чшобъ у милой

Спукнуло окно;

Чшобъ прекрасная явилась,

Чшобъ опъ вышины

Въ пихій долъ лицемъ склонилась,

Ангель пишины.

И дождавшись, на ложе
 Проспирался онъ;
 И надежда: *завтра тоже!*
 Услаждала сонъ.
 Время годы уводило
 Для него жъ одно:
 Ждашь, какъ ждалъ онъ, чшобъ у милой
 Спукнуло окно;
 Чшобъ прекрасная явилась;
 Чшобъ опъ вышины
 Въ шихій долъ лицомъ склонилась,
 Ангелъ пишины.
 Разъ — шуманно ушро было —
 Мершвъ онъ шамъ сидѣлъ,
 Блѣдень ликомъ, и уныло
 На окно глядѣлъ.

АДЕЛЬСТАНЪ

АДЕЛЬСТАНЪ.

Речка, съ зарей сия,

Плывея вѣкъ между холмовъ

Отъ лѣтучей вѣнчѣ нѣтъ

Звѣзды дѣла въ предѣлахъ;

Теремъ, вѣнчанный сѣнцемъ

Отъ нѣхъ нѣтъ въ отдаленъ

Дѣла красная изолота

И въ раскраснѣвшихъ породахъ

Велика въ бѣдѣ — коронѣ

Возмущенныя вѣнчѣ вѣнчѣ

★

ADEPTA.H.P.

А Д Е Л Ъ С Т А Н Ъ.

День багряниль, померкая,
Скапть лѣсиспыхъ береговъ;
Реинъ, въ заревѣ сія,
Пышенъ шекъ между холмовъ.

Онъ лепучей влагой пѣны
Замокъ Алленъ орошалъ;
Терема, зубчапы спѣны
Онъ въ попокъ отражалъ.

Дѣвы красныя полною
Изъ распворчатыхъ ворошъ
Вышли на берегъ — игрою
Вспрѣвши мѣсяца восходъ.

Вдругъ плывесть, къ ладьѣ прикованъ,
 Бѣлый лебедь по рѣкѣ;
 Спишь, какъ будшо очарованъ,
 Юный рыцарь въ челнокѣ.

Алымъ парусомъ играесть
 Легкокрылый въперокъ,
 И ко берегу приплываесть
 Съ спящимъ рыцаремъ челнокъ.

Бѣлый лебедь встрепенулся,
 Разпустилъ крилъ свои;
 Дивный плаващель проснулся —
 И выходитъ изъ ладьи.

И по Рейну обратнo,
 Съ очарованной ладьей,
 Поплылъ тихо лебедь спящной
 И сокрылся изъ очей.

Рыцарь въ замокъ Алленъ входитъ:
 Все въ немъ прелестъ — взоръ и спанъ;
 Въ изумленье всѣхъ приводитъ
 Красотою Адельспанъ.

Межъ красавицами Лора
 Въ замкѣ Алленѣ была
 Видомъ ангельскимъ для взора,
 Для души душой мила.

Графы, Герцоги полпою
 Къ ней спеклись изъ дальнихъ спранъ—
 Но умомъ и красою
 Всѣхъ былъ краше Адельспанъ.

Онъ у всѣхъ залогъ побѣды
 На турнирахъ похищаль;
 Онъ вечернія бесѣды
 Всѣхъ милѣе оживлялъ.

И привѣпны разговоры,
 И пріятный блескъ очей
 Влили нѣжностъ въ сердце Лоры —
 Милый спалъ супругомъ ей.

Исчезаетъ сновидѣнье —
 Въ слѣдъ за днями мчатся дни:
 Ихъ въ сердечномъ упоеньѣ
 И не чувствуютъ они.

Лишь случается порою,
 Чпо, на воды взоръ склонивъ,
 Рыцарь бродитъ надъ рѣкою,
 Одинокъ и молчаливъ.

Но при взглядѣ нѣжной Лоры
 Возвращается покой;
 Оживающъ пусклы взоры
 Съ оживленною душой.

Невидимкой пролепаетъ
 Быспро время — наконецъ,
 Улыбаясь, возвѣщаетъ
 Другу Лора: ты опецъ!

Но безмолвно и уныло
 На младенца смоприпъ онъ.
 Ахъ — онъ мыслипъ — ангелъ милой!
 Для чего ты въ свѣпъ рождёнъ?

И когда обрядъ Крещенья
 Паперъ долженъ былъ свершипъ,
 Чпобъ водою искупленья
 Душу юную омыпъ:

Какъ преступникъ передъ казною,
 Адельспанъ запрепещалъ;
 Взоръ наполнился боязною;
 Хладъ по членамъ пробѣжалъ.

Запинаясь, умоляешъ
 День обряда опложишъ.
 «Силъ недугъ меня лишаешъ
 Съ вами радостъ раздѣлишъ!»

Солнце спряпалось за гору;
 Окропился лугъ росой;
 Онъ зовешъ съ собою Лору
 — Вспрѣщипъ мѣсяцъ надъ рѣкой.

«Нашъ младенецъ будетъ съ нами:
 При дыханьи вѣперка,
 Тихоспруйными волнами
 Усыпишъ его рѣка.»

И пошли рука съ рукою....
 День на холмахъ догоралъ;
 Молча, сумраченъ душою,
 — Рыцарь сына лобызалъ.

Вопгъ ужъ поздно; солнце сѣло;
 Опуманился пошокъ;
 Черенъ берегъ опустѣлой;
 Холодѣетъ вѣшерокъ.

Рыцарь все молчитъ, печаленъ;
 Все идетъ вдоль по рѣкѣ;
 Лоръ спрашно; замокъ Алленъ
 Съ часъ какъ скрылся вдалекѣ.

— Поздно, милый! Ужъ сѣдѣетъ
 Мгла сырая надъ рѣкой;
 Съ водъ холодный вѣшеръ вѣетъ;
 И дрожитъ младенецъ мой. —

«Тише, тише! Пустъ сѣдѣетъ
 Мгла сырая надъ рѣкой!
 Грудь моя младенца грѣетъ;
 Сладко спитъ младенецъ мой.»

— Поздно, милый! По неволѣ
 Спрахъ въ мою пѣснися грудь:
 Мѣсяцъ блѣденъ; хладно въ полѣ;
 Дологъ намъ до замка пушь. —

Но молчишь, какъ очарованъ,
 Рыцарь, глядя на рѣку....
 Лебедь шамъ плывеши, прикованъ
 Легкой цѣпью къ челноку.

Лебедь къ берегу — рыцарь съ сыномъ
 Въ ладію войны спѣвши;
 Лора вслѣдъ за Паладиномъ;
 Обомлѣла и дрожишь.

И осанься, лебедь спашной
 Легкой цѣпью повлѣкъ
 Вдоль по Рейну обратно
 Очарованный челнокъ.

Небо въ Рейнѣ дрожало,
 И луна изъ дымныхъ пучъ
 На ладью сквозь парусъ алой
 Проливала темный лучъ.

И плывушь они безмолвны;
 За кормой спруя бѣжишь;
 Тихо плещушь въ лодку волны;
 Парусъ вздулся и шумишь.

И на берегъ молчанье;
 И на мѣсяцъ шуманъ;
 Лора въ робкомъ ожиданъ;
 Въ смущной думѣ Адельспанъ.

Вошъ ужъ ночи половина:
 Вдругъ младенецъ спалъ кричашъ.
 — Адельспанъ, опдай мнѣ сына! —
 Возопила въ страхѣ матъ.

«Тише, пише! Онъ съ побою!
 Скоро . . . ахъ, кпо дасшъ мнѣ силъ?
 Я ужасною цѣною
 За блаженство заплашилъ.»

«Спи, невинное шворенье!
 Мучишъ душу голосъ швой.
 Спи, дитя! Еще мгновенье,
 И навѣкъ шебѣ покой!»

Лодка къ берегу — рыцарь съ сыномъ
 Вышли на берегъ спѣшишъ;
 Лора вслѣдъ за Паладиномъ,
 Пуще мѣешъ и дрожишъ.

Спрашенъ берегъ обнаженный;
 Нѣтъ ни жила, ни древесъ;
 Черенъ, дикъ, уединенный,
 Въ споронѣ спойтъ утѣсь.

И пещера подъ скалою —
 Въ ней не зрѣло око дна;
 И чернѣетъ предъ луною
 Спрашнымъ мракомъ глубина.

Сердце Лоры замираетъ;
 Снопрытъ робко на утѣсь.
 Звучно къ безднѣ восклицаетъ
 Паладинъ: я дань принесъ!

Въ безднѣ звуки опразились;
 Опзываетъ грянулъ вдоль рѣки;
 Вдругъ изъ бездны появились
 Двѣ огромныя руки.

Къ нимъ приблизилъ рыцарь сына
 Цѣпенѣющая мать,
 Возопивъ, у Паладина
 Жершву бросилась опнятъ,

И воскликнула: Спаси пель!...

Гласъ достигнулъ къ небесамъ:

Живъ младенецъ, а губи пель

Низпровергнувъ въ бездну самъ.

Спрашно, спрашно за спонало

Въ грозныхъ, сжавшихся кохпяхъ!

Вдругъ.... все пусто, тихо спало

Въ глубинѣ и на скалахъ.

ИВИКОВЫ ЖУРАВЛИ

ИВИКОВЫ ЖУРАВЛИ.

На Посадонга перъ жесамъ,
Куда свеламъ чада Гизы
Зрѣлъ бѣгъ коней и бой пѣвцовъ.

Послать дѣръ пѣсней Ашадонъ:
И съ лѣрой, съ дѣткою казкою,
Шелъ, адохнѣнный, къ Исику огу.

Уже его ошаркали ажеры
Вдали Акрокоринъ и горы,
Слѣдимъ съ смѣлой ибѣстъ.
Огу изводитъ въ Посадонга хѣстъ....
Все тихо: лѣнѣть не домыхнѣтся;
Лѣнѣ журавлей по вывѣстѣ
Шумяща сплываща въспѣтъ
Въ спрѣзы колудожны къ веснѣ.

В облаках: Сказала! ...

Где достигла из небеса:

Жизнь ищущая, с глубинами ...

Испытывая из бездн сам.

Справа, справа истоняло

Во тьмах, слышала дождя!

Вдруг ... все тихо, много света

Во тьмах и во снах.

ПВНКОВЫ ЖЪРЪВЪН.

ИВИКОВЫ ЖУРАВЛИ.

На Посидоновъ пиръ веселый,
Куда спекались чада Гелы
Зрѣшь бѣгъ коней и бой пѣвцовъ,
Шель Ивикъ, скромный другъ боговъ.
Ему съ крылашою мечпою
Послалъ даръ пѣсней Аполлонъ:
И съ лирой, съ легкою клюкою,
Шель, вдохновенный, къ Испмму онъ.

Уже его опкрыли взоры
Вдали Акрокоринѣ и горы,
Сліянны съ синевой небесъ.
Онъ входитъ въ Посидоновъ лѣсъ....
Все тихо: листъ не колыхнешся;
Лишь журавлей по вышинѣ
Шумящая спаница вьспя
Въ спраны полуденны къ веснѣ.

« О спутники, вашъ рой крылапый,
 Досель мой вѣрный провожапый,
 Будь добрымъ знаменіемъ мнѣ!
 Сказавъ: проспи! родной спранѣ,
 Чужаго брега посѣпишель,
 Ищу пріюпа, какъ и вы:
 Да опврапишъ Зевесъ-хранишель
 Бѣду опъ спранничей главы! »

И съ швердой вѣрою въ Зевеса
 Онъ въ глубину вспунаешъ лѣса;
 Идешъ заглохшею пропой
 И зришъ убійцъ передъ собой.
 Гошовъ сразишся онъ съ врагами;
 Но часъ судьбы его приспѣлъ:
 Знакомый съ лирными спрунами,
 Напрячь онъ лука не умѣлъ.

Къ богамъ, ко смерпнымъ онъ взываешъ
 Лишь эхо споны повпоряешъ —
 Въ ужасномъ лѣсѣ жизни нѣпъ.
 « И такъ, погибну въ цвѣпѣ лѣпъ!
 Изплѣю здѣсь безъ погребенья,
 И не оплаканъ опъ друзей!
 И симъ врагамъ не будешъ мщенья
 Ни опъ боговъ, ни опъ людей! »

И онъ боролся ужь съ кончиной....
 Вдругъ.... шумъ опъ спаш журавлиной;
 Онъ слышишь (взоръ его угасъ)
 Ихъ жалобно-сшелящій гласъ.

«Вы, журавли подъ небесами!
 Я васъ въ свидѣтели зову!
 Да грянешъ, привлеченный вами,
 Опмщенья громъ на ихъ главу!»

И шрупъ узрѣли обнаженный:
 Рукой убійцы искаженны
 Чершъ прекраснаго лица.
 Коринѳскій другъ узналъ пѣвца.
 «И шы ль недвижимъ предо мною?
 И на главу швою, пѣвецъ,
 Я мнилъ шоржеспвенной рукою
 Сосновый положишь вѣнецъ.»

И внемлюшъ госши Посидона,
 Чшо палъ наперсникъ Аполлона....
 Вся Греція поражена;
 Для всѣхъ сердець печаль одна.
 И съ дикимъ ревомъ изспупленья
 Припановъ окружилъ народъ,
 И вопишъ: «сшарцы, мщенья, мщенья!
 Злодѣямъ казнь, ихъ сгибни родъ!»

Но гдѣ ихъ слѣдъ? Кому примѣшно
 Лице врага въ толпѣ несмѣшной
 Припекшихъ въ Посидоновъ храмъ?
 Они ругаются богамъ.
 И кто жь — разбойникъ ли презрѣнный,
 Иль пайный врагъ ударъ нанесъ?
 Лишь Геліосъ по зрѣлъ священный,
 Все озаряющій съ небесъ.

Съ подъяпой, можетъ бышь, главою,
 Между шумящею толпою,
 Злодѣй сокрытъ въ сей самый часъ,
 И хладно внемлешь скорби гласъ;
 Иль въ капищѣ, склонивъ колѣни,
 Жжешь ладанъ гнусною рукой;
 Или пѣснися на спупени
 Амфицеатра за толпой,

Гдѣ, устремивъ на сцену взоры,
 (Чушь могутъ ихъ сдержашъ подпоры)
 Пришедъ изъ ближнихъ, дальныхъ спранъ,
 Шумя, какъ смутный океанъ,
 Надъ рядомъ рядъ, сидятъ народы;
 И движущся, какъ въ бурю лѣсъ,
 Людьюми кипящи переходы,
 Входя до синевы небесъ.

И кпо сочпепть разноплеменныхъ,
 Симъ шоржеспвомъ совокупленныхъ?
 Пришли опвсюду: опть Аѳинъ,
 Опть древней Спарпы, опть Микинъ,
 Съ предѣловъ Азіи далёкой,
 Съ Эгейскихъ водъ, съ Ѳракійскихъ горъ....
 И сѣли въ пишинъ глубокой,
 И шихо выспунаепть хоръ.

По древнему обряду, важно,
 Походкой мѣрной и пропяжной,
 Священнымъ спрахомъ окружёнъ,
 Обходишь вкругъ шеафра онъ.
 Не шеспвуютъ пакъ перспи чада;
 Не здѣсь ихъ колыбель была:
 Ихъ спана дивная громада
 Предѣлъ земнаго перешла.

Идутъ съ поникшими главами,
 И движутъ шощими руками
 Свѣщи, опть коихъ шемный свѣшъ;
 И въ ихъ ланипахъ крови нѣшъ;
 Ихъ мершвы лица, очи впалы;
 И свишыя межъ ихъ власовъ
 Эхидны движутъ съ свиспомъ жалы,
 Являя спрашный рядъ зубовъ.

И спали, вкругъ сверкая взоромъ;
 И гимнъ запѣли дикимъ хоромъ,
 Въ сердца вонзающій боязнь;
 И въ немъ пресупникъ слышишь: *казнѣ!*
 Гроза души, ума смущишель,
 Эринній спрашнѣй хоръ гремишь;
 И, цѣпенѣя, внемлешь зришель;
 И лира, онѣмѣвъ, молчишь:

« Блаженъ, кто знакомъ съ виною!
 Кто числѣтъ младенчески душою!
 Мы не дерзнемъ ему во слѣдъ!
 Ему чужда дорога бѣдъ! . . .
 Но вамъ, убійцы, горе, горе!
 Какъ пѣнь, за вами всюду мы,
 Съ грозою мщенія во взорѣ,
 Ужасныя созданья пѣмъ!

« Не мнише скрышся — мы съ крылами!
 Вы въ лѣсѣ, вы въ бездну — мы за вами!
 И, спушавъ васъ съ своихъ сѣпяхъ,
 Расперзанныхъ бросаемъ въ прахъ!
 Вамъ покаянѣе не защипа!
 Вашъ спонъ, вашъ плачъ — веселье намъ!
 Терзашъ васъ будемъ до Коциша,
 Но не покинемъ васъ и памъ! »

И пѣснь ужасныхъ замолчала;
 И надъ внимавшими лежала,
 Богинь присуществіемъ полна,
 Какъ надъ могилой, пишина.
 И пихой, мѣрною спопою
 Онѣ обратно пошекли,
 Склонивъ главы, рука съ рукою,
 И скрылись медленно вдали.

И зришель — зыблемый сомнѣньемъ,
 Межъ истиной и заблужденъемъ —
 Со спрахомъ мнишь о Силѣ пой,
 Которая, во мглѣ густой
 Скрываясь, неизбежима,
 Вьспѣ ниши роковыхъ съшей,
 Во глубинѣ лишь сердца зрима,
 Но скрыша опѣ дневныхъ лучей.

И все, и все еще въ молчаньѣ! . . .
 Вдругъ на спупеняхъ восклицанье:
 « Парфеній, слышишь? . . . Крикъ вдали!
 То Ивиковы журавли! » . . .
 И небо вдругъ покрылось тмою;
 И воздухъ весь опѣ крыль шумишь;
 И видяшь черной полосой
 Спаница журавлей лепишь.

« Чшо? Ивикъ! » . . . Все восколебалось —
И имя Ивика помчалось

Изъ успъ въ успа . . . шумишь народъ,
Какъ бурная пучина водъ.

« Нашъ добрый Ивикъ! нашъ сраженный
Врагомъ незнаемымъ поэшь! . . .

Чшо, чшо въ семь словъ сокровенно?

И чшо сихъ журавлей полепъ? »

И всѣмъ сердцамъ въ одно мгновенье,

Какъ будпо свыше опкровенье,

Блеснула мысль: « убійца пупъ!

То Эвменидъ ужасныхъ судъ!

Опмщенъе за пѣвца гошова!

Себѣ преспуникъ измѣнилъ!

Къ суду и шопъ, кпо молвилъ слово,

И шопъ, кѣмъ онъ внимаемъ былъ! »

И блѣдентъ, трепешентъ, смященный,

Незапной рѣчью обличенный,

Испоргнувъ изъ толпы злодѣй:

Передъ сѣдалище судей

Онъ привлечентъ съ своимъ клеверпомъ.

Смущенный видъ, склоненный взоръ,

И щепенный плачь былъ ихъ опвѣшомъ:

И смершь была имъ приговоръ.

ЛЪСНОЙ ЦАРЬ.

АВГНОН-ЦАРА

ЛѢСНОЙ ЦАРЬ.

Кто скачешъ, кпо мчипся подъ хладною мглой?
Ѣзокъ запоздалый, съ нимъ сынъ молодой.
Къ опцу, весь издрогнувъ, малюшка приникъ;
Обнявъ, его держишь и грѣеши спарикъ.

Дипя, чпо ко мнѣ пы такъ робко прильнулъ? —
Родимый, лѣсной Царь въ глаза мнѣ сверкнулъ:
Онъ въ шемной коронѣ, съ гуспой бородой. —
О нѣпъ, по бѣлѣеши пуманъ надъ водой.

« Дипя, оглянися! Младенецъ, ко мнѣ!
« Веселаго много въ моей споронѣ:
« Цвѣшны бирюзовы, жемчужны спруи;
« Изъ золоша слишны черпоги мои.

— Родимый, лѣсной Царь со мной говоришь:
Онъ золото, перлы и радость сулишь. —
О нѣтъ, мой младенецъ, ослышался ты:
То вѣтеръ, проснувшись, колыхнулъ липы.

« Ко мнѣ, мой младенецъ! Въ дубровѣ моей
« Узнаешь прекрасныхъ моихъ дочерей:
« При мѣсяцѣ будешь играть и лепашь,
« Играя, лепая, тебя усыпляшь. »

— Родимый, лѣсной Царь созвалъ дочерей:
Мнѣ, вижу, кивають изъ темныхъ вѣтвей. —
О нѣтъ, все покойно въ ночной глубинѣ:
То вѣтры сѣдя спяють въ споронѣ.

« Дыша, я плѣнился твоей красою:
« Неволей, иль волей, а будешь ты мой. »
— Родимый, лѣсной Царь насъ хочетъ догнашь;
Ужъ вопъ онъ: мнѣ душно, мнѣ тяжело дышашь.

Ѣздокъ оробѣлый не скачетъ, лепишь;
Младенецъ поскуетъ, младенецъ кричишь.
Ѣздокъ погоняетъ, Ѣздокъ досакалъ
Въ рукахъ его мершвыи младенецъ лежалъ.

КАССАНДРА

КАССАНДРА.

...
...
...
...

...
...
...
...

КАСАИДРА.

...
...
...
...

...
...
...
...

...
...
...
...

КАССАНДРА.

Все въ обители Приама
Возвѣщало брачный часъ:
Запахъ розъ и ѳиміама,
Гимны дѣвъ и лирный гласъ.
Спишь гроза минувшей брани;
Щипъ и мечъ и конь забытъ,
Облеченъ въ пурпурны шкани
Съ Поликсеною Пелидъ.
Дѣвы, тоноши чешами
По узорчатымъ коврамъ,
Украшенные вѣнками,
Идутъ веселы во храмъ;
Спогны дышутъ ѳиміамомъ;
Въ злато Царскій домъ одѣтъ,
Снова счастье надъ Пергамомъ...
Для Кассандры счастья нѣтъ.

Уклонясь опть лирныхъ звоновъ,
 Нелюдима и одна,
 Дочь Пріама въ Аполлоновъ
 Древній лѣсъ удалена.
 Сводомъ лавровъ оѣннена,
 Сбросивъ жрическій покровъ,
 Провозвѣспница священна
 Такъ ропшала на боговъ:

« Тамъ шумящъ веселыхъ волны;
 Всѣмъ душа оживлена;
 Мать, отецъ надеждой полны;
 Въ храмъ сеспра приведена.
 Я одна мечпы лишена;
 Ужасъ мнѣ — чпо радоспъ шамъ;
 Вижу, вижу: окриленна
 Мчипся Гибель на Пергамъ.

« Вижу факель — онъ свѣплѣетъ
 Не въ Гименовыхъ рукахъ,
 И не жерпвы пламя рдѣетъ
 На сгущенныхъ облакахъ;
 Зрю пировъ угоповленье....
 Но горѣ, по небесамъ
 Слышно Бога приближенъе,
 Предлепящаго бѣдамъ.

« И вопице мое спенанье,
 И печаль моя мнѣ спыдъ:
 Лишь съ пусшынями спраданье
 Сердце сирое дѣлитъ.
 Опгъ счастливыхъ опчужденна,
 Веселящимся позоръ,
 Я побой всѣхъ благъ лишенна,
 О предвѣденія взоръ!

« Чпо Кассандрѣ даръ вѣщанья
 Въ семъ жилищѣ скромныхъ чадъ
 Безмятежнаго незнанья,
 И блаженныхъ имъ спокрапъ?
 Ахъ, почпо она предвидитъ
 То, чего не опврапитъ!
 Неизбѣжное придепъ,
 И грозящее сразитъ.

« И спасу ль ихъ, опкрывая
 Близкій ужасъ ихъ очамъ?
 Лишь незнанье — жизнь прямая!
 Знанье — смерть прямая намъ!
 Фебъ, возми пвой даръ опасной!
 Очи мнѣ спѣши запмипъ!
 Тяжко испины ужасной
 Смертною скуделью быпъ!

« Я забыла славишь радость,
 Спавъ пророчицей пвоей.
 Слѣпошы погибшей сладость,
 Мирный мракъ минувшихъ дней,
 Съ вами скрылись наслажденья!
 Онъ мнѣ будущее далъ,
 Но веселіе мгновенья
 Наспоящаго опъялялъ.

« Никогда покровъ вѣнчальный
 Мнѣ главы не осѣнишь:
 Вижу факелъ погребальный;
 Вижу: ранній гробъ открытъ.
 Я съ родными скучну младость,
 Всю утѣшила въ шокѣ —
 Ахъ, могла ль дѣлишь ихъ радость,
 Видя скорбь ихъ вдалекѣ?

« Ихъ ласкаетъ ожиданье;
 Жизнь, любовь передо мной;
 Все окреситъ очарованье —
 Я одна мертва душой!
 Для меня весна напрасна;
 Міръ цвѣтущій пусетъ и дикъ....
 Ахъ, сколь жизнь шому ужасна,
 Кто во глубь ея проникъ!

« Сладкій жребій Поликсены!

Съ женихомъ рука съ рукой,
Взоръ любовью разпаленный,
И гордась сама собой,
Благъ своихъ не поспигаешъ:
Въ сновидѣніяхъ злыхъ,
И безсмертья не желаешъ
За одинъ съ Пелидомъ мигъ.

« И моей любви опкрылся

Топть, кого мы ждемъ душой:
Милый взоръ ко мнѣ спремился,
Полный спрашною поскою
Но — для насъ передъ богами
Брачный гимнъ не возгремишь;
Вижу: грозно между нами
Тѣнь Спигійская спойишь.

« Духи, блѣдною полпою

Покидая мрачный адъ,
Вслѣдъ за мной и предо мною,
Неопспупные лепяишь;
Въ рѣзвы юношески лики
Вносяишь ужасъ за собой;
Внемля радоспные клики,
Внемлю ихъ надгробный вой.

« Тамъ сокрытый блескъ кинжала;
 Тамъ убійцы взоръ горитъ;
 Тамъ невидимаго жала
 Ядъ погибелью грозишь.
 Все предчувствуя и зная,
 Въ страшный путь сама иду:
 Ты падешь, спрана родная!
 Я въ чужбинѣ гробъ найду! . . . »

И слова еще звучали . . .
 Вдругъ . . шумитъ священный лѣсъ . .
 И зефиры гласъ примчали:
 « Палъ великій Ахиллесъ! »
 Машутъ Фуріи зміями,
 Боги мчаться къ небесамъ . . .
 И карающій громами
 Грозно смотритъ на Пергамъ.

ТРИ ПЪСНИ.

ТРИ ПЪСНИ.

Т Р И П Ъ С Н И.

Споеть ли мнѣ пѣсню веселую Скальдъ?
 Спросилъ, озираясь, могучій Освальдъ.
 И Скальдъ выпупаетъ на царскую рѣчь,
 Подъ мышкою арфа, на поясѣ мечъ.

«Три пѣсни я знаю: въ одной спарина!
 «Тобою, могучій, забыта она;
 «Ты самъ ее въ лѣсѣ дремучемъ сложилъ;
 «Та пѣсня: *отца моего ты убилъ.*

«Есть пѣсня другая: ужасна она!
 «И мною подъ бурей ночной сложена;
 «Пою ее ранней и поздней порой,
 «И пѣсня та: *бейся, убійца, со мной!*»

Онъ въ спорону арфу, и мечъ наголо;
И бѣшенство грозныя лица зажгло;
Запрыгали искры по звонкимъ мечамъ —
И рухнулъ Освальдъ, голова пополамъ.

« Раздайся жь, послѣдняя пѣсня моя!
« Ту пѣсню и упрямъ и вечеромъ я
« Гремѣлъ не успану предъ дѣвой любви!
« Та пѣсня: *убійца поверженъ въ крови.* »

ЭЛЬВИНА и ЭДВИНЪ.

ЭЛЬВИНА и ЭДВИНЪ.

Утромъ въ воскресенье утромъ рано въсталъ,

Сидя въ саду, въ саду въ саду.

Вотъ садъ мой.

Вотъ садъ мой, садъ мой, садъ мой.

Вотъ садъ мой, садъ мой, садъ мой.

И садъ мой, садъ мой, садъ мой.

«Вотъ садъ мой, садъ мой».

Какъ мой садъ мой, садъ мой.

И садъ мой, садъ мой, садъ мой.

Тотъ садъ мой, садъ мой.

Домъ мой, садъ мой.

Она из сироты выросла, и мать не родила,
 В безвестные пределы жила занята;
 Забыта была до смерти нежной —
 И ринула Олимпиада, гонима и нежная.

«Родился же, рождена была, моя!
 Ты была в чреве и в чреве и в чреве и
 Грешна не чужда была чуждой любви,
 Ты была рождена была в чреве и в чреве»

ЭВРИПИД И ЭДВИНД.

ЭЛЬВИНА и ЭДВИНЪ.

Въ излучинѣ долины сокровенной,
Тамъ, гдѣ блеспишь подъ рощею полокъ,
Спояла хижина, смиренной
Покая уголокъ.

Эльвина памъ красавица пайлась —
Въ ней зрѣла мамъ подпору дрыхлыхъ дней,
И только объ одномъ молилась:
«Всѣ блага жизни ей!»

Какъ лилія была чиста душою,
И пламенѣль румянецъ на щекахъ —
Такъ разливаеися весною
Денница въ облакахъ.

Всѣхъ юношей Эльвина восхищала;
 Для всѣхъ подругъ красой была спрашна,
 И, чудо прелестей, не знала
 Объ нихъ одна она.

Пришелъ Эдвинъ. Безъ всякаго испуска
 Эдвинова плѣняла красота:
 Въ очахъ веселыхъ пламень чувства,
 А въ сердцѣ прощупа.

И заключенъ свяшой союзъ сердцами:
 Душѣ легко въ родной душѣ чипанъ;
 Легко, что сказано очами,
 Устами досказанъ.

О, сладко жить, когда душа въ покоѣ,
 И съ шѣмъ, кпо миль, начавъ, кончаешь день!
 Вдвоемъ и радости всѣ вдвое....
 Но ахъ, онъ какъ шѣнь!

Лишь золопо любилъ опецъ Эдвина;
 Для жалости онъ сердца не имѣлъ;
 Эльвинѣ же дала судьбина
 Одну красу въ удѣлъ.

Съ холодноспью смопрѣлъ спарикъ суровой
На ихъ любовь — на счастье двухъ сердецъ.

«Разспаньшесь!» роковое слово

Сказалъ онъ наконецъ.

Увы, Эдвинъ! Въ какой борьбѣ въ немъ спраспи!

И ни одной нѣтъ силы побѣдипь!

Какъ не признашь опцовской власпи?

Но какъ же не любишь?

Прелесный видъ, плѣнительныя рѣчи,

Воспоргъ любви — все было только сонъ!

Онъ розно съ ней; онъ съ ней и вспрѣчи

Бояпсья осуждѣнь.

Лишь по ушрамъ, чпобъ видѣшь слѣдъ Эльвины,

Онъ изъ кустовъ смопрѣлъ, когда она

Шла по излучинѣ долины,

Печальна и одна;

Или, когда являя мѣсяцъ роги,

Туманный свѣтъ на роци наводилъ,

Онъ, груспенъ, вдоль большой дороги

До полночи бродилъ.

Задумчивый, онъ часпо по кладбищу
 При склонѣ дня ходилъ среди крестовъ:
 Его поскѣ давало пищу
 Спокойствіе гробовъ.

Знапъ гробъ ему предчувствіе сулило!
 Уже ланипъ румяный цвѣпъ пропалъ!
 Ихъ горе блѣдноспью покрыло
 Несчастпый увядалъ.

И не спасупъ его младыя лѣпы!
 Вопице въ слезахъ надъ нимъ его опецъ!
 Вопице и вопли и обѣпы! . . .
 Всему, всему конецъ!

И молипъ онъ: « друзья, изъ сожалѣнья!
 Хопа бы разъ мнѣ па нее взглянупъ!
 Ахъ, дайше, дайше опъ мученья
 При ней мнѣ опдохнупъ! »

Она пришла; но взоръ любви всесильный
 Уже шебя, Эдвинъ, не воскресипъ:
 Уже гошовъ покровъ могильный,
 И гробъ уже опкрыпъ!

Смотри, смотри, несчастная Эльвина,
Какъ измѣнилъ его послѣдній часъ!

Ни шѣни прежняго Эдвина!

Ликъ блѣдный, слабый гласъ!

Въ знакъ вѣрности онъ подастъ ей руку,
И на нее взоръ томный устремилъ:

Какъ сильно вѣчную разлуку

Сей взоръ изобразилъ!

И во тмѣ ночной, покинувши Эдвина,

Домой одна вблизи кладбища шла,

Души не чувствуя, Эльвина,

Кругомъ густѣла мгла.

Опъ съвера подъемлясь, вѣшеръ хладной

Качалъ, свисая во мракъ, дерева;

И выла на стѣнѣ оградной

Полночная сова.

И вся душа въ Эльвинѣ замирала;

И взоръ ея во всемъ его встрѣчалъ;

Казалось — шѣнь его лепала!

Казалось — онъ спеналъ!

Но . . . вошъ и въявь ужъ слышился Эльвинъ:
Вдали пробилъ уныло тяжкій звонъ.

Какъ смерти голосъ по долину
Промчавшись, спихнулъ онъ.

И къ мащери безъ памяти вбѣжала —
Блѣдна, и свѣтъ въ очахъ ея темнѣлъ.

« Проспи! все кончилось! (сказала)
Мой ангелъ улещѣлъ!

« Благослови . . . зовущъ . . . иду къ Эдвину . . .
Но для тебя мнѣ жаль покинушь свѣтъ! »

Умолкла; мащъ зовущъ Эльвину —
Эльвины больше нѣтъ.

ГРАФЪ ГАПСБУРГСКІЙ.

ГРАФЪ ГАПСБУРГСКІЙ.

Тотъ, кто въ Лаврѣхъ и въ Монахахъ,
Изъ спорахъ и въ терзеньяхъ, въ сирѣхъ
Рудольфа, Изабеллы и въ сирѣхъ,
Во блещетъ и въ сирѣхъ и въ сирѣхъ;
Тотъ, кто въ Рейнскій Фельдмаршалъ, раненъ,
Богиня и въ сирѣхъ и въ сирѣхъ;
И сирѣхъ Изабеллы, чиста,
Готтфридъ и въ сирѣхъ и въ сирѣхъ;
Висландъ, какъ въ сирѣхъ и въ сирѣхъ;
Протъ и въ сирѣхъ и въ сирѣхъ.

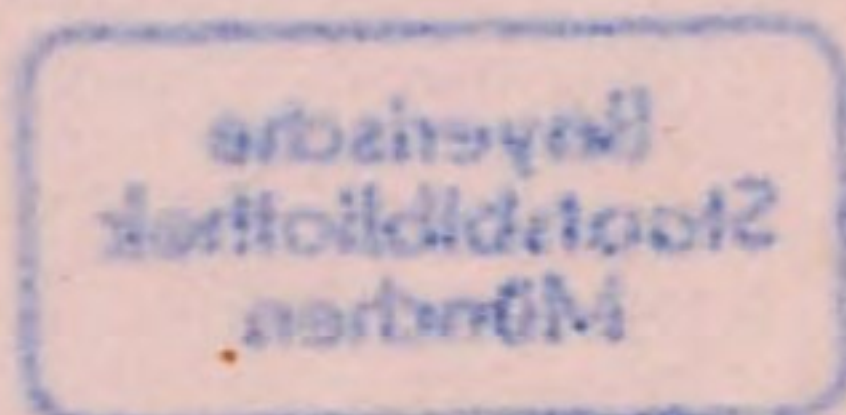
Но... жаль и жаль уж и смиренного Дмитрия:
Вдали пробыла ужасно пыльная жуть.
Жаль, что не было ни души,
Проступился, сплелся втис.

И вь мещере божьей мещере обжигал:
Кадил, и охоту из охоты из мещеры.
«Проступился, сплелся втис» (сказка)
Мой дядя, дядя!

Вспомнил... жаль... жаль... жаль...

ГРАФЪ ТАПСВЪЛСКІЙ.

Вспомнил... жаль... жаль...

ГРАФЪ ГАПСБУРГСКІЙ.

Торжественнымъ Ахенъ весельемъ шумѣлъ;
 Въ спаринныхъ черпогахъ, на пирѣ
 Рудольфъ, Императоръ избранный, сидѣлъ
 Во блескѣ вѣнца и въ порфирѣ.
 Тамъ кушанья Рейнскій Фальцграфъ разносилъ;
 Богемецъ напитки въ поалы цѣдилъ;
 И семь Избирапелей, чиномъ
 Устроенный древле свершая обрядъ,
 Блистали, какъ звѣзды предъ солнцемъ блестящъ,
 Предъ новымъ своимъ власпелиномъ.

Кругомъ возвышался богатый балконъ,
 Ликующимъ полный народомъ;
 И клики, со всѣхъ прилепая споронъ,
 Подъ древнимъ сливались сводомъ.
 Былъ конченъ раздоръ; переспала война;
 Безцарспвенны, грозны прошли времена;
 Судья надъ землею былъ снова;
 И воля губишь у меча опняпа;
 Не брошены слабый, вдова, сирота
 Могущимъ во власпъ безъ покова.

И Кесаръ, наполнивъ покаръ золопой,
 Съ привѣпливымъ взоромъ вѣщаепъ:
 « Прекрасенъ мой пиръ! Все пируепъ со мной!
 « Все царскій мой духъ восхищаепъ!
 « Но гдѣ жъ упѣшипель, плѣнипель сердце?
 « Придепъ ли мнѣ душу разпрогашъ Пѣвецъ
 « Игрой и благимъ поученьемъ?
 « Я пѣсней былъ другомъ, какъ рыцаръ проспой!
 « Днесъ Кесаръ, покину ль обычай свяпой
 « Пирь улаждапъ пѣснопѣньемъ? »

И вдругъ изъ среды величавыхъ госпей
 Выходишь, одѣянъ шаларомъ,
 Пѣвецъ въ красотѣ поспѣлыхъ кудрей,
 Младымъ преисполненный жаромъ.
 « Въ спрунахъ золопыхъ вдохновенье живетъ!
 Пѣвецъ о любви благодатной поетъ,
 О всемъ, что свяпаго естъ въ мірѣ,
 Что душу волнуетъ, что сердце манишь....
 О чемъ же власпишель воспѣшь повелишь
 Пѣвцу на поржеспивенномъ пирѣ? »

— Не мнѣ управляшь пѣснопѣвца душой!
 (Пѣвцу опвѣчаетъ власпишель)
 Онъ высшую силу призналъ надъ собой!
 Минуша ему повелишель!
 По воздуху вихорь свободно шумишь:
 Кто знаетъ, откуда, куда онъ лепишь!
 Изъ бездны пошокъ выбѣгаетъ!
 Такъ пѣснь зараждаетъ души глубина!
 И темное чувство, изъ дивнаго сна
 При звукахъ воспрянувъ, пылаетъ! —

И смѣло ударилъ пѣвецъ по спрунамъ,
 И голосъ пріятный раздался:
 « На спашномъ конѣ, по горамъ, по полямъ
 За серною рыцарь гонялся;
 Онъ съ ловчимъ однимъ выѣзжаетъ самдругъ
 Изъ чащи лѣсной на сіяющей лугъ,
 И ѣдетъ онъ шагомъ кустами;
 Вдругъ слышатъ они: колокольчикъ гремитъ!
 Идетъ изъ кустовъ пономарь и звонитъ;
 И слѣдомъ священникъ съ Дарами.

« И набожный Графъ, умиленный душой,
 Колѣна свои преклоняетъ,
 Съ сердечною вѣрой, съ горячей мольбой
 Предъ Тѣмъ, что живоитъ и спасаетъ.
 Но лугомъ спремился кипучій ручей;
 Свирѣпо надувшись огнь сильныхъ дождей,
 Онъ пушъ заграждалъ пѣшеходу;
 И спутнику паспырь дары опдаетъ;
 И обувь снимаетъ, и смѣло идетъ
 Съ священною ношею въ воду.

« Куда? изумившійся Графъ спросилъ. »

— Въ село; умирающій нищій

Ждетъ въ мукахъ, чѣмъ паспырь его разрѣшилъ,

И алчетъ небесныя пищи.

Недавно лежалъ черезъ эпопгъ попокъ

Слепленный изъ сучьевъ для пѣшихъ моспокъ —

Его разбросало водою!

Чѣмъ душу свяпой благодатью спаси,

Я здѣсь неглубокій попокъ перейши

Слѣшу обнаженной споюю. —

И паспырю выпязь коня уступилъ,

И подалъ ногѣ его спремя,

Чѣмъ онъ облегчилъ покаяньемъ слѣшилъ

! Спрадальцу грѣховное бремя.

И къ ловчему самъ на сѣдло пересѣлъ,

И весело въ чащу на ловъ полетѣлъ;

Священникъ же, пребу свящую

Свершивши, при первомъ мерцаніи дня

Приходитъ ко Графу, смиренно коня

Ведя за узду золошную.

« Дѣрзну ли помыслишь я, Графъ возгласилъ,
 Почтительно взоры склонивши,
 Чѣмъ конь сей ничпожной забавѣ служилъ,
 Спасишело-Богу служивши?
 Когда ты, опецъ, не приѣмлешь коня,
 Пустьъ будетъ онъ даромъ благимъ опъ меня
 Опнынѣ Тому, чѣе даянне
 Всѣ блага земныя, и сила, и чesть,
 Кому не помедлю на жертву принесъ
 И силу и чesть и дыханье. »

— Да будетъ же вышній Господь надъ тобой
 Своей благодастью святою!
 Тебя да почтитъ Онъ въ сей жизни и въ той,
 Какъ днесъ Онъ почтенъ былъ побойю!
 Гельвеція славой сіяетъ твоей;
 И шестъ разцвѣщають тебѣ дочерей,
 Богатыхъ дарами природы:
 Да будутъ же (молвилъ пророчески онъ)
 Удѣломъ ихъ шестъ знаменитыхъ коронъ!
 Да славятся въ роды и роды! » — —

И въ думѣ главу Императоръ склонилъ:

Минувшее въ немъ оживилось.

Вдругъ быспрый онъ взоръ на пѣвца устремилъ —

И таинство словъ объяснилось:

Онъ пастыря видя въ пѣвцѣ предъ собой!

И слезы, изъ глазъ побѣжавши спруей,

Порфирой закрылъ въ умиленъ!.....

Все смолкло, на Кесаря очи поднявъ!

И всякъ догадался: кто набожный Графъ;

И сердцемъ почпилъ Провидѣнье.

ЗАМОКЪ СМАЛЬГОЛЬМЪ.

И в дымъ гряди Ивернаго селения:

Илиже ли не оживишь.

Видишь быстрины отъ востра на востра? —

И илиже слово оживишь:

Она пастыря видна въ нѣдрѣ божьей!

И слышишь, въ гласъ покаяния сиротъ,

Побойной задрожавъ въ дѣлѣ...

Все смякло, въ Кесарю онъ подвигъ!

И всаго дождя: кѣно надобный Творецъ;

И сиротамъ познать Ивернаго.

— Да будетъ же иже Творецъ, въ нѣдрѣ

Своемъ сиротамъ сиротамъ!

Тогда же иже Творецъ, въ нѣдрѣ иже Творецъ,

Какъ дѣла Творецъ, въ нѣдрѣ Творецъ!

Сиротамъ сиротамъ сиротамъ!

В нѣдрѣ Творецъ, въ нѣдрѣ Творецъ!

Внѣдрѣ Творецъ, въ нѣдрѣ Творецъ!

Да будетъ же иже Творецъ, въ нѣдрѣ

Удѣломъ иже Творецъ, въ нѣдрѣ Творецъ!

Да будетъ же иже Творецъ, въ нѣдрѣ

ЗАМОКЪ СМАЛЬГОЛЬМЪ.

ЗАМОРЪ СМЪВЛОУПМЪ.

ЗАМОКЪ СМАЛЬГОЛЬМЪ.

До разсвѣта поднявшись, коня осѣдлалъ
 Знаменитый Смальгольмскій Баронъ;
 И безъ опдыха гналъ, межъ утесовъ и скалъ,
 Онъ коня, поросясь въ Броперспонъ.

Не съ могучимъ Боклю совокупно спѣшилъ
 На военное дѣло Баронъ;
 Не въ кровавомъ бою перевѣдаться мнилъ
 За Шопландію съ Англіей онъ;

Но въ желѣзной бронѣ онъ сидитъ на конѣ; —
 Напочилъ онъ свой мечъ боевой;
 И покрытъ онъ щипомъ; и попоръ за сѣдломъ,
 Укрѣпленъ двадцати-фунтовой.

Черезъ три дни домой возвратился Баронъ,
Опуманенъ и блѣденъ лицомъ;
Черезъ силу и конь, опенѣнъ, запылѣнъ,
Подъ тяжелымъ спупалъ сѣдокомъ.

Анкрамморскія бишвы Баронъ не видалъ,
Гдѣ попоками кровь пролилась,
Гдѣ на Эверса грозно Боклю напиралъ,
Гдѣ за родину бился Дугласъ:

Но желѣзный шеломъ былъ изсѣченъ на нѣмъ,
Былъ изрубленъ и панцырь и щипъ,
Былъ недавнею кровью шопоръ за сѣдомъ,
Но не Англійской кровью покрытъ.

Соскочивъ у часовни съ коня, за спѣной,
Припаяся въ кустахъ, онъ споялъ;
И три раза онъ свиснулъ — и Пажъ молодой
На условленный свисъ прибѣжалъ.

— Подойди, мой малюшка, мой Пажъ молодой!
И присядь на колѣна мои!
Ты младенецъ, но ты ошкровененъ душой,
И слова неприщворны твои.

Я въ оплукѣ былъ при дни, мой Пажъ молодой!

Мнѣ теперь ты всю правду скажи:

Что замѣшилъ? Что было съ твоей госпожой?

И кто былъ у твоей госпожи? —

«Госпожа по ночамъ къ опдаленнымъ скаламъ,

Гдѣ маякъ, приходила тайкомъ;

(Здѣсь огни по горамъ зажжены, чтобъ врагамъ

Не укрыться во мракъ ночномъ).

И на первую ночь непогода была,

И безъ умолку филинъ кричалъ;

И она въ непогоду ночную пошла

На вершину пуспынную скалы.

Тихомолкомъ подкрался я къ ней въ темнолѣ;

И сидѣла одна — я узрѣлъ;

Не споялъ часовой на пуспой высопѣ;

Одиноко маякъ пламенѣлъ.

На другую же ночь — я за ней по слѣдамъ —

На вершину ояпѣ побѣжалъ —

О Творецъ! у огня одинокаго шамъ

Мнѣ невѣдомый рыцарь споялъ.

Подпершися мечёмъ, онъ споялъ предъ огнёмъ,
 И бесѣдовалъ долго онъ съ ней;
 Но подъ шумнымъ дождёмъ, но при вѣпрѣ nocturnomъ,
 Я разслушать не могъ ихъ рѣчей.

И послѣдняя ночь безненаспна была,
 И порывистый вѣперъ молчалъ;
 И къ маяку она на свиданье пошла;
 У маяка ужъ рыцарь споялъ.

И сказала (я слышалъ): « въ полуночный часъ,
 « Предъ свѣплымъ Ивановымъ днёмъ,
 « Приходи ты; мой мужъ не опасенъ для насъ;
 « Онъ шеперь на свиданьи иномъ;

« Онъ съ могучимъ Боклю ополчился шеперь;
 « Онъ въ сраженьи забылъ про меня —
 « И пайкомъ опопру я для милаго дверь
 « Наканунѣ Иванова дня. »

— Я невластенъ приппи! я не долженъ приппи!
 Я не смѣю приппи! (былъ опшвѣтъ)
 Предъ Ивановымъ днемъ одинокимъ пупемъ
 Я пойду . . . мнѣ шоварища нѣтъ! —

« О, сомнѣніе прочь! безмятежная ночь

« Передъ великимъ Ивановымъ днемъ

« И шиха и шемна и свиданьямъ она

« Благосклонна въ молчаньи своемъ.

« Я собакъ привяжу, часовыхъ уложу,

« Я крыльце пересыплю правой,

« И въ приющѣ моемъ, предъ Ивановымъ днемъ,

« Безопасенъ ты будешь со мной! »

— Пустъ собака молчитъ, часовой не прубитъ,

И права не слышна подъ ногой:

Но священникъ есть памъ; онъ не спитъ по ночамъ;

Онъ приходъ мой узнаетъ ночной. —

« Онъ уйдетъ къ той порѣ; въ монастырь на горѣ

« Панихиду онъ позванъ служишь:

« Кто-то былъ умерщвленъ; по душѣ его онъ

« Будешь при дни поминки шворишь.»

Онъ нахмурился глядѣлъ, онъ какъ мершвый блѣднѣлъ,

Онъ ужасенъ споялъ при огнѣ.

— Пустъ о помъ, кто убитъ, онъ поминки шворишь:

То, бышь можешь, поминки по мнѣ!

Но полуночный часъ благосклоненъ для насъ:

Я приду подъ защипною мглы. —

Онъ сказалъ и она . . . я смопрю . . . ужь одна

У маяка пуспынной скалы! »

И Смальгольмскій Баронъ, пораженъ, раздраженъ,

И кипѣлъ и горѣлъ и сверкалъ.

— Но скажи, наконецъ, кто ночной сей пришлецъ?

Онъ, клянусь небесами, пропасть! —

« Показалось мнѣ, при блестящемъ огнѣ: —

Былъ шелома съ соколинымъ перомъ,

И палаши боевой на цѣпи золошой,

Три звѣзды на щипѣ голубомъ. »

— Нѣтъ, мой Пажъ молодой, ты обманушь мечпой!

Сей полуночный, мрачный пришлецъ »

Былъ невласпенъ прищипи: онъ убишь на пущи;

Онъ въ могилу зарышь, онъ мерпвецъ. —

« Нѣтъ! не чудилось мнѣ! я споялъ при огнѣ, »

И увидѣлъ, услышалъ я самъ, »

Какъ его обняла, какъ его назвала: »

То былъ рыцарь Ричардъ Кольдингамъ! »

И Смальгольмскій Баронъ, изумленъ, пораженъ,
 И хладѣлъ и блѣднѣлъ и дрожалъ.
 — Нѣтъ! въ могилѣ покой! онъ лежишь подъ землей!
 Ты неправду мнѣ, Пажъ мой, сказалъ.

Гдѣ бѣжишь и шумишь межъ утесами Твидъ,
 — Гдѣ подъемлешься мрачный Эльдонъ,
 Ужь приночи, какъ шамъ швой Ричардъ Кольдингамъ
 Попаеннымъ врагомъ умерщвлёнъ.

Нѣтъ! сверканье огня ослѣпило швой взглядъ!
 Оглушенъ былъ ты бурей ночной!
 Ужь при ноци, при дня, какъ поминки шворяшь
 Чернецы за его упокой. —

Онъ идешь въ вороша, онъ уже на крыльцѣ,
 Онъ взошелъ по крупымъ спупенямъ
 На площадку, и видишь: съ печалью въ лицѣ
 Одиноко-унылая шамъ

Молодая жена — и шиха и блѣдна,
 — И въ мечпаніи груспномъ глядишь
 На поля, небеса, на Мерптонски лѣса,
 На прозрачно бѣгущую Твидъ.

— Я съ побою опяпъ, молодая жена! —

« Въ добрый часъ, благородный Баронъ!

« Чшо расскажешъ пы мнѣ? Рѣшена ли война?

« Поразилъ ли Боклю, иль сражёнъ? »

— Англичанинъ разбипъ; Англичанинъ бѣжипъ

Съ Анкрамморскихъ кровавыхъ полей —

И Боклю наблюдапъ мнѣ маякъ мой велипъ,

И беречься недобрыхъ госпей. —

При опвѣпъ пакомъ измѣнилась лицомъ,

И ни слова!.. Ни слова и онъ!

И пошла въ свой покой съ наклоненной главой,

И за нею суровый Баронъ.

Ночь покойна была, но заснуть не дала.

Онъ вздыхалъ, онъ съ собой говорилъ:

« Не пробудится онъ! не подымется онъ!

« Мерпвецы не вспаюпъ изъ могилъ! »

Ужь заря занялась; былъ таинспвенный часъ

Межь расвѣпомъ и упренней пмой —

И глубокимъ онъ сномъ предъ Ивановымъ днёмъ

Вдругъ заснулъ близъ жены молодой.

Не спалося лишь ей, не смыкала очей....

И бродящимъ, опкрытымъ очамъ,
При лампадномъ огнѣ, въ шишакъ и бронѣ,
Вдругъ явился Ричардъ Кольдингамъ.

— Воропись, удалися! она говоритъ. —

« Я къ свиданью побой приглашёнъ! »

« Мнѣ извѣстно, кто здѣсь, неожиданный, спишь: »

« Не спрашисъ, не услышишь насъ онъ! »

« Я во мракѣ ночномъ пощаеннымъ врагомъ »

« На дорогѣ измѣной убишь; »

« Ужъ при ночи, при дня, какъ монахи меня »

« Поминаюшъ — и прупъ мой зарышъ. »

« Онъ съ побой! онъ съ побой, сей убійца ночной! »

« И ужасный пеперь ему сонъ! »

« И надолго во мглѣ на пуспынной скалѣ, »

« Гдѣ маякъ, я бродишь осуждёнъ; »

« Гдѣ видалися мы подъ защишою пмы, »

« Тамъ скишаюсь одинъ мершвецемъ: »

« И сюда съ вышины не сошелъ бы... но пы »

« Заклинала Ивановымъ днемъ. »

Содрогнулась она, и смятенья полна,

Вопросила: но что же съ тобой?

Дай одинъ мнѣ опвѣтъ — ты спасенъ ли иль нѣтъ?...!

Онъ печально попрясъ головой.

« Выкупаеся кровью пролитая кровь —

« То убійцѣ скажи моему!

« Беззаконную небо караетъ любовь —

« Ты сама будь свидѣтель тому! »

Онъ тяжелою шуйцей коснулся стола;

Ей десницею руку пожалъ —

И десница какъ оспрое пламя была,

И по членамъ огонь пробѣжалъ.

И печать роковая въ сполѣ вожжена:

Опразилися пальцы на нѣмъ.

На рукѣ жъ — но таинственно руку она

Закрывала съ нѣхъ поръ полошномъ.

Есть монахиня въ древнихъ Драйбургскихъ стѣнахъ:

И грусна и на свѣтъ не глядитъ;

Есть въ Мельрозской обители мрачный монахъ:

И дичится людей и молчитъ.

Сей монахъ молчаливый и мрачный — кто онъ?

Та монахиня — кто же она?

То убійца, суровый Смальгольмскій Баронъ!

То его молодая жена!

ЛЮДИЛА

Л Ю Д М И Л А.

Где нын, милый? Что съ нобою?
Съ чужеземца криво
Земля въ дашкой снорачъ
Ихъ нима, снорачъ, нима?
Изъ безпрестанно нитимъ
Снорачъ нима нима унима!
Тима Людмила, нима нима
Къ нима нима нима нима
Ихъ нима нима нима
«Возвратился да нима — нима —
Изъ дашкой, нима нима
Съ нима, нима Снорачъ?»

А Б В Г Д Е Ж

Л Ю Д М И Л А.

«Гдѣ ты, милый? Чпо съ побою?
 Съ чужеземною красою
 Знапъ въ далекой споронѣ
 Измѣнилъ, невѣрный, мнѣ!
 Иль безвременно могила
 Свѣплый взоръ пивой угасила!»
 Такъ Людмила, приунывъ,
 Къ персямъ очи преклонивъ,
 На распупіи вздыхала.
 «Возвращиися ль онъ — мечпала —
 Изъ далекихъ, чуждыхъ спранъ
 Съ грозной рапціо Славянъ?»

★

Пыль шуманишь опдаленье;
 Свѣпишь рапныхъ ополченье;
 Топотъ, ржаніе коней;
 Трубный прескъ и спукъ мечей;
 Прахомъ панцыри покрышы;
 Шлемы лаврами обвишы;....
 Близко, близко рапныхъ спрой!
 Мчашся шумною толпой
 Жены, чада, обрученны...
 «Возвращились незабвенны!»...
 А Людмила? ... Ждешь пождешь...
 «Тамъ дружину онъ ведетъ!»

«Сладкій часъ — соединенье!»...
 Вошь проходишь ополченье;
 Миновался рапныхъ спрой....
 Гдѣ жь, Людмила, твой герой?
 Гдѣ твоя, Людмила, радость?
 Ахъ! проспи, надежда-сладость!
 Все погибло! друга нѣтъ! —
 Тихо въ перемъ свой идешь,
 Томно голову склонила;
 «Разспупись, моя могила!»
 Гробъ откройся! полно жить!
 Дважды сердцу не любишь!» —

«Что съ побой, моя Людмила?
 Мать со страхомъ возопила.
 «О, покой тебя Творецъ!»
 — Милый другъ! всему конецъ!
 Что прошло — невозвратно!
 Небо къ намъ неумолимо!
 Царь небесный насъ забылъ!
 Мнѣ ль онъ счастья не сулилъ?
 Гдѣ жь обѣщомъ исполненъе?
 Гдѣ святое Провидѣнье?
 Нѣтъ, немилосливъ Творецъ! —
 Все проси! всему конецъ! —

«О Людмила! грѣхъ ропшанье!
 Скорбь — Создателя посланье;
 Зла Создатель не пворитъ!
 Мерзвыхъ спонъ не воскреситъ!»
 — Ахъ, родная, миновалось!
 Сердце вѣришь отказалось!
 Я ль, съ надеждой и мольбой,
 Предъ иконою святой
 Не почила слезъ ручьями?
 Нѣтъ, безплодными мольбами
 Не призванъ минувшихъ дней!
 Не цвѣспи душъ моей!

Рано жизнью насладилась!
 Рано жизнь моя зашмилась,
 Рано прежнихъ лѣтъ краса!
 Чпо взирашь на небеса?
 Чпо молишь неумолимыхъ?
 Возвращу ль невозвратимыхъ? —
 «Царь небесъ, по скорби гласъ!
 Дочь, вспомни смертный часъ!
 Крапко жизни сей спрдаанье!
 Рай — смиреннымъ воздаянье,
 Адъ — бунтующимъ сердцамъ!
 Будь послушна небесамъ!»

— Чпо, родная, муки ада?
 Чпо небесная награда?
 Съ милымъ вмѣстѣ — всюду рай:
 Съ милымъ розно — райскій край
 Безопрадная обитель!
 Нѣтъ, забылъ меня Спаситель! — —
 Такъ Людмила жизнь кляла,
 Такъ Творца на судъ звала!...
 Вошъ ужъ солнце за горами;
 Вошъ усыпала звѣздами
 Ночь спокойный сводъ небесъ;
 Мраченъ долъ; и мраченъ лѣсъ.

Вотъ и мѣсяцъ величавой
 Вспалъ надъ тихою дубравой:
 То изъ облака блеснетъ,
 То за облако зайдетъ;
 Съ горъ просперпы длинны пѣни;
 И лѣсовъ дремучихъ сѣни,
 И зеркало зыбкихъ водъ,
 И небесъ далекій сводъ
 Въ свѣшлый сумракъ облечены....
 Спятъ пригорки опдаленны,
 Боръ заснулъ, долина спитъ...
 Чу... полночный часъ звучитъ!

Попряслись дубовъ вершины;
 Вотъ повѣялъ отъ долины
 Перелетный вѣперокъ....
 Скачетъ по полю ѣздокъ:
 Борзый конь и ржетъ и пышетъ.
 Вдругъ.... идутъ.... (Людмила слышитъ)
 На чугунное крыльцо....
 Тихо брякнуло кольцо....
 Тихимъ шопотомъ сказали....
 (Всѣ въ ней жилки задрожали)
 То знакомый голосъ былъ,
 То ей милый говорилъ:

— Спипть, иль нѣпть моя Людмила?
 Помнишь друга, иль забыла?
 Весела, иль слезы льепть?
 Вспань! женихъ тебѣ зовепть. —
 «Ты ль? Откуда въ часъ полночи?
 Ахъ! едва прискорбны очи
 Не попухнули отъ слезъ!
 Знаешь, пронулся Царь небесъ
 Бѣдной дѣвицы поскою!
 Точно ль милый предо мною?
 Гдѣ же былъ? Какой судьбой
 Ты опять въ странѣ родной?» ...

— Близъ Наревы домъ мой пѣсный.
 Только мѣсяцъ поднебесный
 Надъ долиною взойдепть,
 Лишь полночный часъ пробьепть —
 Мы коней своихъ сѣдлаемъ,
 Темны кельи покидаемъ.
 Поздно я пуспился въ пущь!
 Ты моя! моею будь! ...
 Чу! совы пуспынной крики!
 Слышишь? Пѣнье, брачны лики.
 Слышишь? Борзый конь заржалъ.
 Ёдемъ, ёдемъ! часъ наспалъ! —

« Переждемъ хоть время ночи;
 Въперъ вспаль опъ полуночи;
 Хладно въ полъ; боръ шумишь;
 Мѣсяцъ пучами закрышь! »
 — Въперъ буйный переспанешь;
 Спихнешъ боръ; луна проглянешъ!
 Ёдемъ! намъ сшо версшь ѣзды.
 Слышишь? Конь грызешъ брозды,
 Бьешъ копышомъ съ неперпѣнья.
 Мигъ намъ спрашенъ замедленья!
 Крапкій, крапкій данъ мнѣ срокъ!
 Ёдемъ, ёдемъ! пушь далекъ! —

« Ночь давно ли наступила?
 Полночь шолько чшо пробила!
 Слышишь? Колоколъ гудишь. »
 — Въперъ спихнуль; боръ молчишь;
 Мѣсяцъ въ водный шокъ глядишся;
 Мигомъ борзый конь домчишся. —
 « Гдѣ жь, скажи, швой шѣсный домъ? »
 — Тамъ, въ Липвѣ, краю чужомъ:
 Хладенъ, шихъ, уединенный,
 Свѣжимъ дерномъ покровенный;
 Саванъ, кресъ и шесъ доспокъ.
 Ёдемъ, ёдемъ! пушь далѣкъ! — —

Мчались всадникъ и Людмила.
 Робко дѣва обхватила
 Друга нѣжною рукой,
 Приклонясь къ нему главою;
 Скокомъ, лёпомъ по долинамъ,
 По буграмъ и по равнинамъ;
 Пышетъ конь, земля дрожитъ;
 Брызжутъ искры опъ копытъ;
 Пыль кашился вслѣдъ клубами;
 Скачутъ мимо нихъ рядами
 Рвы, поля, бугры, кусты;
 Съ громомъ зыблются мосты.

« Свѣтитъ мѣсяцъ, долъ сребритъ;
 Мерпвый съ дѣвицею мчитъ:
 Пушь ихъ къ кельѣ гробовой!
 Спрашно ль, дѣвица, со мной? »
 — Чпо до мерпвыхъ! чпо до гроба!
 Мерпвыхъ домъ земли упроба! —
 « Чу! въ лѣсу пошряся листъ!
 Чу! въ глуши раздался свистъ!
 Черный воронъ вспрепенулъ;
 Вздогнулъ конь и опшашнулъ;
 Вспыхнулъ въ полѣ огонѣкъ. »
 — Близко ль, милый? — « Пушь далѣкъ! » —

Слышутъ шорохъ тихихъ пѣней: —
 Въ часъ полуночныхъ видѣній,
 Въ дымъ облака, полной,
 Прахъ оспавя гробовой
 Съ позднимъ мѣсяца восходомъ,
 Легкимъ, свѣплымъ хороводомъ
 Въ цѣпь воздушную свились;
 Вопъ за ними понеслись;
 Вопъ поютъ воздушны лики:
 Будно въ лисьяхъ павилики
 Вьется легкій вѣперокъ;
 Будно плещетъ ручеекъ.

« Свѣпиль мѣсяцъ, доль сребрится;
 Мерпвый съ дѣвицею мчится:
 Пушь ихъ къ кельѣ гробовой!
 Спрашно ль, дѣвица, со мной? »
 — Чпо до мерпвыхъ! чпо до гроба!
 Мерпвыхъ домъ земли упроба! —
 « Конь, мой конь, бѣжилъ песокъ!
 Чую ранній вѣперокъ!
 Конь, мой конь, быспрѣ мчися!
 Звѣзды упренни зажглися!
 Мѣсяцъ въ облакъ попухъ!
 Конь, мой конь, кричитъ пѣпухъ! »

— Близко ль, милый? — «Вопъ примчались?»

Слышупъ: сосны зашапались!

Слышупъ: спалъ съ воропъ запоръ!

Борзый конь спрѣлой на дворъ.

Чпо же, чпо въ очахъ Людмилы?

Камней рядъ, креспы, могилы,

И среди нихъ Божій храмъ.

Конь несепся по гробамъ:

Спѣны звонкій вшоряпъ попопъ;

И въ правѣ чупъ слышный шопопъ,

Какъ усопшихъ пихій гласъ...

Вопъ денница занялась.

Чпо же чудипся Людмилъ?...

Къ свѣжей конь примчасъ могилъ,

Бухъ въ нее и съ сѣдокомъ!

Вдругъ — глухой подземный громъ!

Спрашно доски запрещали!

Коспи въ коспи заспучали!

Пыль взвилася! обручь хлопъ!

Тихо, пихо вскрылся гробъ....

Чпо же, чпо въ очахъ Людмилы?...

Ахъ, невѣспа, гдѣ швой милый?

Гдѣ вѣнчальный швой вѣнецъ?

Домъ швой — гробъ! женихъ — мершвецъ!

Видишь шрупъ оцѣпенѣлый:
 Прямъ, недвижимъ, посинѣлый,
 Длиннымъ саваномъ обвишь.
 Спрашенъ милый прежде видъ;
 Впалы мершвыя ланины;
 Мушенъ взоръ полуоткрытый;
 Руки сложены крестомъ.
 Вдругъ привспалъ . . . манишь перстомъ . . .
 « Конченъ пущь: ко мнѣ Людмила!
 Намъ поспель — темна могила!
 Завѣсь — саванъ гробовой!
 Сладко спать въ землѣ сырой! »

Чшо жъ Людмила? Каменѣешь;
 Меркнушь очи; кровь хладѣешь;
 Пала мершвая на прахъ.
 Спонтъ и вопли въ облакахъ;
 Визгъ и скрежестъ подъ землєю.
 Вдругъ усопшіе полною
 Попянулись изъ могилъ;
 Тихій, спрашный хоръ завылъ:
 « Смертныхъ ропотъ безразсуденъ!
 Царь Всевышній правосуденъ!
 Твой услышалъ спонтъ Творецъ!
 Часъ швой билъ! насталъ конецъ! »

Вспыхнул пылающий огонь: —
 Прощай, нежная, нежная,
 Давно ты вдали от меня,
 Сироткою вдали от меня,
 Вдали от родины и от меня,
 Милые люди, милые,
 Родина, родина, родина,
 Вдаль от родины, от родины,
 «Колеса, колеса, колеса,
 Иные колеса — иные,
 Гудят — гудят, гудят,
 Сидят сидят, сидят,
 Что же это такое? —
 Милые люди, милые,
 Пала нежная, пала,
 (Помню, помню, помню)
 Вдаль от родины, от родины,
 Помню, помню, помню,
 Твой, твой, твой,
 «Сиротка, сиротка,
 Пала, пала, пала,
 Твой, твой, твой,
 Пала, пала, пала

УЗНИКЪ.

УЗНИКЪ.

А З Н Н Е Р.

УЗНИКЪ.

« За днями дни идушь, идушь »

« Напрасно! »

« Они свободы не ведутъ »

« Прекрасной; »

« Объ ней поскую и молюсь! »

« Ее зову, не дозовусь! »

« Смопрю въ высокое окно »

« Темницы: »

« Все небо свѣшомъ зажжено »

« Денницы; »

« На свѣжихъ крыльяхъ вѣперка »

« Лепашу вольны облака. »

« И такъ всѣ блага замѣнишь

« Могилей!

« И бросишь свѣтъ, когда въ немъ жишь

« Такъ мило!

« Ахъ, дайше въ свѣтъ подышашь!

« Еще мнѣ рано умирашь!

« Лишь мигъ весеннимъ бышѣмъ

« Жила я!

« Лишь мигъ на праздникъ земномъ

« Была я!

« Душа гоповилась любить....

« И все покинуть, все забыть! »

Такъ голосъ заунывный пѣлъ

Въ пемницѣ....

И сердцемъ юноша лепѣлъ

Къ пѣвицѣ.

Но онъ въ неволѣ, какъ она!

Межъ ними хладная спѣна.

И щещно съ ней онъ разлучёнъ

Слѣбною!

Невидимую знаетъ онъ

Душою!

И мысль объ ней и день и ночь

Опъ сердца не опходитъ прочь!

Все видитъ онъ: во пмъ она

Тюрёмной

Сидитъ, раздумью предана;

Взоръ помной;

Младенчески прекрасенъ видъ;

И слезы падаютъ съ лани.

И ночью, забывая сонъ,

Въ мечпань,

Ея подслушиваетъ онъ

Дыханье;

И на устахъ его горитъ

Огонь молодыхъ ея лани.

Таясь, спрадана одна
 Дѣлишь съ ней,
 Въ одной темничной глубинѣ
 Молишь съ ней
 Согласной думой и поскою
 Опять неба участи одной —

Вопь жизнь его: другой не ждешь
 Онъ доли;
 Онъ, равнодушный, не зовешь
 И воли!
 Съ ней розно въ свѣтѣ жизни нѣтъ!
 Прекрасенъ только ею свѣтъ!

Не ты ль — онъ мнилъ — давно была
 Любима?
 И не тебя ль душа звала,
 Томима
 Желанья смутнаго поскою,
 Волненьемъ жизни молодой?

« Тебя въ пророчеспвенномъ снѣ
 Видалъ я;
 Тобою въ пламенной веснѣ
 Дышалъ я;
 Ты мнѣ цвѣла въ живыхъ цвѣпахъ;
 Твой образъ вѣялъ въ облакахъ.

« Когда же сердце ясный взоръ
 Твой вспрѣпшипъ?
 Когда, разрушивъ сей запворъ,
 Освѣпшипъ
 Свобода жизнь вдвоемъ для насъ?
 Леппи, леппи, желанный часъ!»

Напрасно! Часъ не прилепѣлъ
 Желанный;
 Другой Создапелемъ удѣлъ
 Избранный
 Доспался узницѣ молодой! —
 Небесно - тайный, не земной!

Разъ слышишь онъ: зашворовъ громъ,
 Рыданье,
 Звукъ цѣпи, голоса... пошомъ
 Молчанье!
 И ужась грудь его поминъ —
 И щепно ждешь онъ... все молчишь!

Увы, удѣлъ его рѣшень!... ж
 Угрюмый,
 Навѣкъ грядущаго лишень,
 Всѣ думы
 За ней онъ въ гробъ переселилъ;
 И молишь Рокъ, чшобъ поспѣшилъ.

Однажды — только занялась
 Денница —
 Его со спухомъ расперлась
 Темница.
 « О радость! (минъ онъ), скоро къ ней! »
 И что жь?... Свобода у дверей!

Но хладно принялъ онъ привѣтъ
Свободы;

Прекраснаго ужъ въ мірѣ нѣтъ!

Дни, годы

Напрасно будущъ проходишь.....

Погибшаго не возвращишь!

Ахъ, слово милое объ ней

Кто скажетъ?

Кто слѣдъ ея забытыхъ дней

Укажетъ?

Кто знаетъ, гдѣ она цвѣла?

Гдѣ топъ, кого своимъ звала?

И нѣтъ ему въ семьѣ родной

Улады!

Задумчивъ, грустію нѣмой

Онъ взгляды

Сердечные встрѣчаетъ ихъ;

Онъ въ людскихъ сумраченъ и пихъ.

Нашпанепъ день — ни съ мѣспя онъ!
 Безгласный,
 Душой въ мечпанье погружёнъ,
 Взоръ спраспный
 Исполненъ смупнаго огня,
 Спюищъ онъ, голову склона.

Но пихо въ сумракъ ночей
 Онъ бродипъ,
 И съ неба шемнаго очей
 Не сводипъ:
 Звѣзда знакомая памъ еспъ!
 Она къ нему приносищъ вѣспъ

О миломъ вѣспъ! и въ міръ иной
 Призванье!
 И дѣлищъ съ пайной онъ звѣздой
 Спраданье;
 Ея краса оживлена:
 Ему въ ней свѣщипся она!

Онъ паялъ, гаснулъ, и угасъ!

И мнилось,

Что вдругъ предъ въ послѣдній часъ

Явилось

Все то, чего душа ждала . . .

И жизнь въ улыбку опошла.

С В Ъ Т Л А Н А .

Она пришла, пришла, пришла...

И пришла,

Что пришла пришла в последний раз

И пришла

И пришла, пришла пришла...

И пришла в последний раз

И пришла в последний раз

И пришла в последний раз

И пришла в последний раз

И пришла в последний раз

И пришла в последний раз

И пришла в последний раз

И пришла в последний раз

И пришла в последний раз

И пришла в последний раз

И пришла в последний раз

И пришла в последний раз

И пришла в последний раз

С В Ъ Т Л А Н А

АЛЕКСАНДРЪ АНДРЕЕВИЧЪ ВОЛКОВЪ

С В Ъ Т Л А Н А.

Въ первомъ изданіи.

Съдѣе отъ автора, Писателя.

Съдѣе издателя, издателя

Съдѣе издателя, издателя

Съдѣе издателя, издателя

Съдѣе издателя, издателя

Въ числу въ числахъ изданій

Книга издателя, издателя

Съдѣе издателя, издателя

Рассужденіе о дѣлѣ издателя

И издѣе издателя, издателя

Издѣе издателя, издателя

★

С В Ъ Т Ы Н А .

С В Ъ Т Л А Н А.

АЛЕКСАНДРЪ АНДРЕЕВНЪ ВОЕЙКОВОЙ.

Разъ въ Крещенской вечерокъ

Дѣвушки гадали:

За воропа башмачокъ,

Снявъ съ ноги, бросали;

Снѣгъ пололи; подъ окномъ

Слушали; кормили

Счепнымъ курицу зерномъ;

Ярый воскъ попили;

Въ чашу съ чистою водой

Клали перстень золопой,

Серги изумрудны;

Разспилали бѣлый плапъ,

И надъ чашей пѣли въ ладъ

Пѣсенки подблюдны.

Тускло свѣшпися луна

Въ сумракѣ шумана —

Молчалива и грусна

Милая Свѣшлана.

« Что, подруженька, съ побой?

Вымолви словечко!

Слушай пѣсни круговой;

Вынь себѣ колечко!

Пой, красавица: « кузнецъ!

« Скуй мнѣ заплѣ и новъ вѣнецъ,

« Скуй кольцо заплое!

« Мнѣ вѣнчапся пѣмъ вѣнцомъ!

« Обручапся пѣмъ кольцомъ

« При свяномъ налоѣ! »

— Какъ могу, подружки, пѣшь?

Милый другъ далѣко!

Мнѣ судьбина умерепъ

Въ груспи одинокой!

Годъ промчался — вѣспи нѣпъ;

Онъ ко мнѣ не пишепъ!

Ахъ! а имъ лишъ красенъ свѣпъ!

Имъ лишь сердце дышетъ!
 Иль не вспомнишь обо мнѣ?
 Гдѣ, въ какой пы споронѣ?
 Гдѣ твоя обитель?
 Я молюсь и слезы лью!
 Упоми печаль мою,
 Ангелъ-упѣшитель! —

Вотъ, въ свѣщницѣ сполъ накрытъ
 Бѣлой пеленою;
 И на помѣ сполѣ спойтъ
 Зеркало съ свѣчою;
 Два прибора на сполѣ.
 «Загадай, Свѣшлана!
 Въ чистомъ зеркала спеклѣ
 Въ полночь, безъ обмана
 Ты узнаешь жребій свой!
 Спукнетъ въ двери милый твой
 Легкою рукою;
 Упадетъ съ дверей запоръ;
 Сядетъ онъ за свой приборъ
 Ужинаетъ съ тобою!»

Вопъ красавица одна;
 Къ зеркалу садися;
 Съ тайной робостью она
 Въ зеркало глядися;
 Темно въ зеркалѣ; кругомъ
 Мертвое молчанье;
 Свѣчка препешнымъ огнёмъ
 Чушь ліепъ сіянье....
 Робость въ ней волнуеъ грудь,
 Спрашно ей назадъ взглянуъ,
 Спрахъ шуманиъ очи...
 Съ прескомъ пыхнуъ огонѣкъ,
 Крикнуъ жалобно сверчокъ,
 Вѣспникъ полуночи.

Подпершися локопкомъ,
 Чушь Свѣплана дышиъ...
 Вопъ..... легохонько замкомъ
 Кпо-то спукнуъ, слышиъ.
 Робко въ зеркало глядиъ:
 За ея плечами
 Кпо-то, чудилось, блеспиъ

Яркими глазами.

Занялся опъ спраха духъ.

Вдругъ . . . въ ея влепаесть слухъ

Тихій, легкій шопопъ:

« Я съ побой, моя краса! . . . »

Укропились небеса!

Твой услышанъ ропопъ! »

Оглянулась . . . милый къ ней

Проспираесть руки.

« Радоспъ, свѣспъ моихъ очей! »

Нѣспъ для насъ разлуки!

Ѣдемъ! Попъ ужъ въ церкви ждесть

Съ дьякономъ, дьячками;

Хоръ вѣнчальну пѣснь поестъ;

Храмъ блеспитъ свѣчами. »

Былъ въ опвѣспъ умильный взоръ;

Идутъ на широкій дворъ,

Въ вороша песовы;

У воропъ ихъ санки ждупъ;

Съ неперпѣнья кони рвупъ

Повода шелковы.

Сѣли . . . кони съ мѣсна въ разъ!

Пышутъ дымъ ноздрями;

Опъ копытъ ихъ поднялась . . .

Вьюга надъ санями.

Скачутъ . . . пусто все вокругъ;

Слепъ въ очахъ Свѣпланы;

На лунѣ шуманный кругъ;

Чуть блестятъ поляны.

Сердце вѣщее дрожитъ;

Робко дѣва говоритъ:

« Чпо ты смолкнулъ, милый? »

Ни полслова ей въ отвѣтъ:

Онъ глядитъ на лунный свѣтъ,

Блѣденъ и унылый.

Кони мчашся по буграмъ;

Топчутъ снѣгъ глубокой . . .

Вопъ, въ споронкѣ Божій храмъ

Видѣтъ одинокой;

Двери вихорь отворилъ;

Тма людей во храмѣ;

Яркій свѣтъ паникадилъ

Тускнепть въ ѳиміамъ;
 На срединѣ черный гробъ;
 И гласипть пропяжно попъ:
 «Буди взяпть могилой!»
 Пуще дѣвица дрожипть;
 Кони мимо; другъ молчипть,
 Блѣденъ и унылой.
 Вдругъ мяшелица кругомъ;
 Снѣгъ валипть клоками;
 Черный вранъ, свиспя крыломъ,
 Вьепся надъ санями;
 Вѣщій спонъ гласипть: *печаль!*
 Кони поропливы
 Чупко смопрятъ въ шемну даль,
 Воздымая гривы;
 Брезжепть въ полѣ огонѣкъ;
 Видѣнъ мирный уголокъ:
 Хижинка подъ снѣгомъ.
 Кони борзые быспрѣй;
 Снѣгъ взрывая, прямо къ ней
 Мчатся дружнымъ бѣгомъ.

Вошъ примчались... и вмигъ
 Изъ очей пропали:
 Кони, сани и женихъ
 Будпо не бывали.
 Одинокая въ поппмахъ
 Брошена опъ друга
 Въ спрашныхъ дѣвица мѣспахъ;
 Вкругъ мяпель и вьюга.
 Возвратишься? — Слѣду нѣтъ!...
 Видѣнь ей въ избушкѣ свѣтъ:
 Вошъ — перекрестилась;
 Въ дверь съ моливвою спучипъ....
 Дверь шапнулася... скрипипъ....
 Тихо распворилась.
 Чпожъ? ... Въ избушкѣ гробъ; накрытъ
 Бѣлою запоной;
 Спасовъ ликъ въ ногахъ споипъ;
 Свѣчка предъ иконой...
 Ахъ, Свѣплана, чпо съ побой?
 Въ чью пришла обипель?
 Спрашенъ хижины пуспой

Безопвѣпный жипель!
 Входишь съ трепешомъ, въ слезахъ;
 Предъ иконой пала въ прахъ;
 Снасу помолилась;
 Со креспомъ своимъ въ рукѣ,
 Подъ Свяпыми въ уголкѣ
 Робко припаилась.

Все упихло!...вьюги нѣтъ!...
 Слабо свѣчка пилился;
 То прольепъ дрожащій свѣтъ,
 То ояпъ запилился....
 Все въ глубокомъ, мерпвомъ снѣ!
 Спрашное молчанье!...
 Чу! Свѣплана!...въ пишинѣ
 Легкое журчанье!...
 Вопъ, глядишь: къ ней въ уголокъ
 Бѣлоснѣжный голубокъ
 Съ свѣплыми глазами,
 Тихо вѣя, прилепѣлъ,
 Къ ней на перси пиho сѣлъ,
 Обнялъ ихъ крылами.

Смолкло все опять кругомъ . . .

Вопъ! Свѣпланъ мнился,

Чпо подъ бѣлымъ полошномъ

Мерпвый шевелился . . .

Сорвался покровъ! мерпвецъ

(Ликъ мрачнѣе ночи)

Видѣнь весь — на лбу вѣнецъ,

Запворенны очи.

Вдругъ . . . въ успахъ сомкнурыхъ спонъ!

Силился раздвинуть онъ

Руки охладѣлы! . . .

Чпо же дѣвица? . . . Дрожитъ!

Гибель близко! . . . но не спитъ

Голубчикъ бѣлый.

. . .

Всѣ въ голубчикѣ, мерпвецъ спитъ!

Спрашно молчанье! . . .

У! Свѣпланъ! . . . въ пшнѣ

Вспрепенулся! развернулъ

Легкія онъ крилы!

Къ мерпвецу на грудь вспорхнулъ! . . .

Всей лишенный силы,

Возспенавъ, заскрежешалъ

Спрашно онъ зубами,

И на дѣву засверкалъ

Грозными очами
 Снова блѣдность на устахъ!
 Въ закапавшихся глазахъ
 Смерть изобразилась!
 Глядь Свѣплана о Творецъ!
 Милый другъ ея — мертвецъ!
 Ахъ! . . . и пробудилась!

Гдѣ жь? У зеркала, одна
 Среди свѣплицы.
 Въ тонкій занавѣсъ окна
 Свѣпигъ лучъ денницы;
 Шумнымъ бьетъ крыломъ пѣпухъ,
 День встрѣчая пѣньемъ;
 Все блеспигъ! . . . Свѣпланинъ духъ
 Смупенъ сновидѣньемъ!
 « Ахъ! ужасный, грозный сонъ!
 Не добро вѣщаепъ онъ —
 Горькую судьбину!
 Тайный мракъ грядущихъ дней,
 Что сулишь душѣ моей?
 Радость иль кручину? »

Сѣла (пѣжко ноепѣ грудь)
 Подѣ окномѣ Свѣплана;
 Изѣ окна широкій пупѣ
 Видѣнѣ сквозѣ шумана;
 Снѣгѣ на солнышкѣ блеспипѣ,
 Парѣ алѣепѣ тонкой....
 Чу!... вдали пустой гремипѣ
 Колокольчикѣ звонкой!
 На дорогѣ снѣжный прахѣ!
 Мчапѣ, какѣ будпо на крылахѣ,
 Санки кони рѣяны!
 Ближе! вопѣ ужѣ у воропѣ!
 Спапный госпѣ кѣ крыльцу идѣпѣ....
 Кпо?.... Женихѣ Свѣпланы!

Чпо же пвой, Свѣплана, сонѣ,
 Прорицапелѣ муки?
 Другѣ съ побой! всеѣ попѣ же онѣ
 Въ опыпѣ разлуки;
 Та жѣ любовь въ его очахѣ;
 Тѣ жѣ пріапны взоры;
 Тѣ жѣ на сладоспныхѣ успахѣ

Милы разговоры!
 Отворяйся жь, Божій храмъ!
 Вы лепите къ небесамъ,
 Вѣрные обѣщанья!
 Соберитесь, спарь и младъ!
 Сдвинувъ звонки чаши, въ ладъ
 Пойте: многи лѣшны!

Улыбнись, моя краса,
 На мою балладу!
 Въ ней большія чудеса,
 Очень мало складу!
 Взоромъ счастливый поймъ,
 Не хочу и славы!
 Слава — насъ учили — дымъ!
 Свѣтъ судья лукавый!
 Вотъ баллады толкъ моей:
 « Лучшій другъ намъ въ жизни сей
 Вѣра въ Провидѣнье!
 Благъ Зиждипеля законъ:
 Здѣсь несчастье — лживый сонъ;
 Счастье — пробужденіе! »

О! не знай сихъ страшныхъ сновъ

Ты, моя Свѣплана!...

Будь, Создатель, ей покровъ!

Ни печали рана,

Ни минушной грусти пѣнь

Къ ней да не коснется!

Въ ней душа, какъ ясный день!

Ахъ! да пронесется

Мимо — Бѣдспвія рука!

Какъ пріятный ручейка

Блескъ на лонѣ луга,

Будь вся жизнь ея свѣпла;

Будь Веселость, какъ была,

Дней ея подруга!

ЭОЛОВА АРФА

Владимир Маяковский.

Жизнь на деревенском дворе в пору дождя.

ЭОЛОВА АРФА.

Дубовый двор — в тени дубов.

Пригласил дубовый

Сажалки в садик.

И садик в дубовый

Кустарник — по дорожке садоводов.

Сажалки в садик

Дубовый двор — в тени дубов.

Росли в садике

И дубовый двор — в тени дубов.

Он садик в дубовый

Кустарник — по дорожке

И садик в дубовый

Кустарник — по дорожке садоводов.

The first of these is the
 fact that the population of
 the country is increasing
 rapidly. This is due to
 the fact that the birth
 rate is high and the death
 rate is low. The second
 fact is that the country is
 becoming more and more
 industrialized. This is due
 to the fact that the
 government has been
 encouraging the growth of
 industry. The third fact
 is that the country is
 becoming more and more
 urbanized. This is due to
 the fact that the people are
 moving from the countryside
 to the cities.

ЭОМОВА АРФА.

This is the first of the
 three facts mentioned above.

Э О Л О В А А Р Ф А.

Владыко Морвены,
Жилъ въ дѣдовскомъ замкѣ могучій Ордалъ;
Надъ озеромъ спѣны
Зубчапыя замокъ съ холма возвышалъ;
Прибрежны дубравы
Склонялись къ водамъ,
И сплался кудрявый
Кустарникъ по злчнымъ окрестнымъ холмамъ.

Спокойствіе стней
Дубравныхъ памъ часпо лай псовъ нарушалъ;
Рогатыхъ еленей
И вепрей и ланей могучій Ордалъ
Съ опважными псами
Гонялъ по холмамъ;
И долы съ холмами,
Шумя, опвѣчали зовущимъ рогамъ.

Въ жилище Ордала
 Веселость изъ ближнихъ и дальныхъ краёвъ
 Госпей собирала;
 И убраны были черпоги пировъ
 Еленей рогами;
 И въ память опцамъ
 Висѣли рядами
 Ихъ шлемы, кольчуги, щипы по спѣнамъ.

И въ дружныхъ бесѣдахъ
 Любилъ за покаломъ рассказы Ордалъ
 О древнихъ побѣдахъ,
 И взоры на брони опцевъ успремлялъ:
 Чеканны ихъ лапы
 Въ глубокихъ рубцахъ;
 Мечи ихъ зубчапы;
 Щипы ихъ и шлемы избины въ бояхъ.

Младая Минвана
 Красой озаряла родительской домъ;
 Какъ зыби пумана,
 Зарею злапимы надъ свѣжимъ холмомъ,
 Такъ кудри густыя
 Съ главы молодой
 На перси младя,
 Вѣяся, бѣжали спруей золошой.

Пріяпнѣй денницы
 Задумчивый пламень во взорахъ сіялъ:
 Сквозь темны ресницы
 Онъ сладкое въ душу смяшенъе вливалъ;
 Полюка журчанье —
 Пріяпность рѣчей;
 Какъ роза, дыханье;
 Душа же прекраснѣй и прелестей въ ней.

Гремѣла красою
 Минвана и въ ближнихъ и въ дальнихъ краяхъ;
 Въ Морвену полною
 Спекалися випязи, славны въ бояхъ;
 И дочерью гордился
 Предъ ними опецъ....
 Но въ тайнѣ дѣлился
 Душою съ Минваной Арминій-пѣвецъ!

Младой и прекрасный,
 Какъ свѣжая роза-упѣха долинъ,
 Пѣвецъ сладкогласный....
 Но родомъ не знашнѣй, не княжескѣй сынъ:
 Минвана забыла
 О санѣ своемъ,
 И сердцемъ любила,
 Невинная, сердце невинное въ немъ. —

На темные своды
 Багрянымъ щипомъ покапилась луна;
 И озера воды
 Спруиспымъ сіяньемъ покрыла она;
 Опъ замка, опъ сѣней
 Дубравъ по берегамъ
 Огромные пѣней
 Легли великаны по гладкимъ водамъ.

На холмѣ, гдѣ чистымъ
 Попокомъ испочникъ бѣжалъ изъ кустовъ,
 Подъ дубомъ вѣшвиспымъ —
 Свидѣцелемъ пайныхъ свиданья часовъ —
 Минвана молодая
 Сидѣла одна,
 Пѣвца ожидая,
 И въ спрахѣ пайла дыханье она!

И съ арфою спройной
 Ко древу къ Минванѣ приходишъ пѣвецъ!
 Все было спокойно,
 Какъ тихая радость ихъ юныхъ сердецъ:
 Прохлада и нѣга,
 Мерцанье луны,
 И ропотъ у берега
 Дробимыя съ легкимъ плесканьемъ волны.

И долго, безмолвны,
 Пѣвецъ и Минвана съ унылой душой
 Смопрѣли на волны,
 Злапимыя тихо блестящей луной.
 «Какъ быспрыя воды
 Попокъ свой ліюшъ —
 Такъ быспрые годы
 Веселье младое съ любовью несупъ!»

— Чпожъ сердце уныло?
 Пуспъ воды ліюпся, пуспъ годы бѣгупъ!
 О вѣрный! о милой!
 Съ любовію годы и жизнь унесупъ! —
 «Минвана, Минвана!
 Я бѣдный пѣвецъ;
 Ты жъ царскаго сана,
 И предками славенъ пвой гордый опецъ!»

— Чпо въ славѣ и санѣ?
 Любовь мой высокій, мой царскій вѣнецъ!
 О милый, Минванъ
 Всѣхъ випязей краше смиренный пѣвецъ!
 Почпо же уныло
 На радость глядѣшь?
 Все близко, чпо мило!
 Оставимъ годамъ за годами лепѣшь! —

« Минутная сладость
 Веселаго *вмѣстѣ*, помедли, постой!
 Кто скажетъ, что радость
 На вѣкъ не умчится съ грядущей зарей!
 Проглянешь денница —
 Блаженству конецъ!
 Опять ты царица!
 Опять я ничтожный и блѣдный пѣвецъ! »

— Пускай возвратишься
 Веселое утро, сіяніе дня!
 Зарей озаришься
 Топъ свѣтъ, гдѣ мой милый живетъ для меня!
 Лишь царскимъ уборомъ
 Я буду съ толпой!
 А мыслю, взоромъ,
 И сердцемъ, и жизнью, о милый, съ побой! —

« Проспи! ужь блѣднѣешь
 Разсвѣтомъ далекій, Минвана, воспокъ!
 Ужь упренній вѣешь
 Съ вершины кудрявыхъ холмовъ въперокъ! »
 — О нѣтъ! по зарница
 Блещишь въ облакахъ!
 Не скоро денница!
 И тихъ въперокъ на кудрявыхъ холмахъ! —

« Ужъ въ замкѣ проснулись!

Мнѣ слышался шорохъ и звукъ голосовъ! »

— О нѣптъ! вспрепенулись

Дремавшія ппашки на вѣпвяхъ кусповъ! —

« Заря ужъ багряна!

— О милый, поспой! —

« Минвана! Минвана!

Почпо жъ замираептъ такъ сердце поской? »

И арфу унылой

Пѣвецъ привязалъ подъ наклономъ вѣпвей:

« Будь, арфа, для милой

Залогомъ прекрасныхъ минувшаго дней!

И сладкіе звуки

Любви не забудь;

Улада разлуки

И вѣспникъ души неизмѣнныя будь!

Когда же мой юный,

Убитый печалію цвѣптъ опадептъ,

О вѣрныя спруны!

Въ васъ съ прежней любовью душа перейдептъ!

Какъ прежде, взыграептъ

Веселіе въ васъ,

И другъ мой узнаептъ

Привычный, зовущій къ свиданію гласъ!

★

« И думай, ихъ пѣнью
 Внимая вечерней, Минвана, порой,
 Чпо легкою пѣнью,
 Все вѣрный, лепашъ пвой другъ надъ побой!
 Чпо прежнія муки:
 Превращности спрахъ,
 И ужасъ разлуки,
 Всѣ съ прелестной жизнью онъ бросилъ во прахъ!

« Чпо, жизнь переживши,
 Любовь лишь одна не распалась съ душой!
 Чпо робко любившій
 Безъ робости любить и болѣе пвой!
 А ты, дубъ вѣтвистый,
 Ее осѣняй!
 И, вѣтеръ душистый,
 На юныя перси дышашъ прилепай! »

Умолкъ — и съ прелестной
 Задумчивыхъ долго очей не сводилъ....
 Какъ бы неизвѣстной
 Въ немъ голосъ: *на вѣки прости!* говорилъ!
 Горячей рукою
 Ей руку пожалъ,
 И, тихой споною
 Опъ ней удаляся, какъ призракъ, пропалъ!....

Луна возсіяла
 Минвана у древа но гдѣ же пѣвецъ?
 Увы! предузнала
 Душа, унывая, что счастью конецъ!
 Молва о свиданьѣ
 Доспигла опца
 И мчиптъ ужъ въ изгнанье
 Ладья черезъ море младаго пѣвца.

И поздно, и рано,
 Подъ дровомъ свиданья Минвана грустиптъ!
 Уныло съ Минваной
 Одинъ лишь нагорный пошокъ говоритъ!
 Все пусто! день ясный
 Взойдетъ и зайдетъ —
 Пѣвецъ сладкогласный
 Минваны подъ дровомъ свиданья не ждептъ!

Прохладою дышептъ
 Тамъ вѣперъ вечерній и въ лиспьяхъ шумиптъ,
 И вѣпви колышептъ,
 И арфу лобзаептъ. . . . но арфа молчиптъ. — —
 Творенія радоспъ,
 Наспала весна —
 И въ свѣжую младоспъ,
 Красу и веселье земля убрана!

И яркимъ сіяньемъ
 Холмы осыпалъ вечерѣющій день;
 На землю съ молчаньемъ
 Сходила ночная, росиспая тѣнь;
 Ужь синіе своды
 Блиспали въ звѣздахъ;
 Сравнялися воды;
 И вѣперъ улегся на спящихъ лиспахъ.
 Сидѣла уныло
 Минвана у древа душой въ далекѣ!
 И пихо все было!
 Вдругъ . . . къ пламенной чпо-по коснулось щекѣ;
 И чпо-по шапнуло
 Безъ вѣпра липы;
 И чпо-по прильнуло
 Къ спрунамъ, невидимо слепѣвъ съ высоты! . . .
 И вдругъ изъ молчанья
 Подъялся пропяжный, задумчивый звонъ;
 И пише дыханья
 Играющей въ липьяхъ прохлады былъ онъ.
 Въ ней сердце смупилось:
 То друга привѣтъ!
 «Свершилось! свершилось!
 Земля опустѣла! ужь милаго нѣтъ!»

Опть тяжкія муки
 Минвана упала безъ чувства на прахъ,
 И жалобнѣй звуки
 Надъ ней зашпепали въ смяпепныхъ спрунахъ!
 Когда жь возврапила
 Дыханье она,
 Уже восходила
 Заря, и надъ нею была пишина!.....

Съ пѣхъ поръ, унывая,
 Минвала, лишъ вечеръ, ходила на холмъ,
 И, звукамъ внимаа,
 Мечпала о миломъ, о свѣпѣ другомъ,
 Гдѣ жизнь безъ разлуки,
 Гдѣ все не на часъ —
 И мнились ей звуки,
 Какъ будто лепящій опть родины гласъ.

« О милья спруны!
 Играйте, играйте! мой часъ не далѣкъ!
 Ужъ клонипся юный
 Главой недоцвѣпшей ко праху цвѣпнокъ!
 И спранникъ унылой
 Заупра придетъ,
 И спросипъ: гдѣ милой
 Цвѣпнокъ мой? ... и болѣ цвѣпка не найдешъ! »

И нѣтъ ужъ Минваны!....

Когда опъ попоковъ, холмовъ и полей

Восходяпъ шуманы,

И свѣпипъ, какъ въ дымѣ, луна безъ лучей —

Двѣ видяпся пѣни:

Сліявшись, лепяпъ

Къ знакомой имъ сѣни....

И дубъ шевелипся, и спруны звучапъ!

А Х И Л Л Ъ

А Х И Л Л Ъ.

Сидитъ до края свѣта Ахиллъ

На рѣкѣхъ близъ берега.

Тако все... куря, всматриваясь

Въ пламени гаснущаго костра,

И прожало сажуется

Соружу, соружа бѣда широкъ!

Надъ Эгейскімъ водъ ризной

Сажетъ всматриваясь рожъ дымъ:

Звѣзды огнисто пылаютъ

И бѣга оспрашиваютъ,

Видѣно ли, полъ опуститъ

Со похвостомъ Пріамъ:

Онъ на Гекторовыхъ зѣнкахъ

Онъ, дымомъ дышитъ къ стѣнамъ.

И златъ уянъ Малаянъ былъ.
 Когда златъ, помысловъ, колесъ и златъ
 Возвратилъ, научилъ,
 И счастливъ, какъ въ дѣлѣ, златъ былъ златъ —
 Дѣлъ, златъ, златъ,
 Счастливъ, златъ,
 Въ златъ, златъ, златъ,
 И дѣлъ, златъ, златъ, златъ, златъ, златъ.

А Х Н Ч Р.

А Х И Л Л Ъ.

Отуманилася Ида;

Омрачился Иліонъ;

Слипъ во мракъ спанъ Априда;

На равнинѣ бипвы сонъ.

Тихо все курясь, сверкаетъ

Пламень гаснущихъ коспровъ,

И пропяжно окликаетъ

Спражу, спража близъ шапровъ!

Надъ Эгейскихъ водъ равниной

Свѣшеть всходишь рогъ луны;

Звѣзды спящею пучиной

И брега отражены;

Видѣнь въ полѣ опустѣломъ

Съ колесницею Пріамъ:

Онъ за Гекпоровымъ плѣломъ

Отъ шапровъ идешь къ спѣнамъ.

И на брегъ близъ кургана

Зрился сумрачный Ахиллъ;

Онъ одинъ, далекъ опъ спана;

Онъ главу на длань склонилъ.

Смопривъ въ даль — шамъ съ колесницей

На пупи Приама зривъ:

Опираешъ багряницей

Слезы бѣдный Царь съ ланивъ.

Лиру взялъ; ударилъ въ струны;

Тихъ его печальный гласъ:

« Спарецъ, палъ швой Гекторъ юный!

Свѣтъ души швоей угасъ!

И Гекуба, Андромаха

Ждуть тебя у градскихъ врагъ

Съ ношей милаго имъ праха.....

Жизнь и смерть имъ швой возвращъ!

« И съ денницею печальной

Воскуривъ оиміамъ,

Огласивъ погребальной

Пѣсню каждый домъ и храмъ!

Мать, отецъ, вдова съ мольбою

Пепелъ въ урну соберутъ,

И молитвы ихъ герою

Миръ въ спранъ пѣней дадутъ!

« О Пріамъ, ты предъ Ахилломъ
 Здѣсь во прахъ главу склонялъ;
 Здѣсь молилъ о сынѣ миломъ,
 Здѣсь, несчастный, ты лобзалъ
 Руку, слезъ твоихъ причину!
 Ахъ, не съшуй! гласъ небесъ
 Намъ одну изрекъ судьбину:
 И меня постигъ Зевесъ!

« Близокъ часъ мой! роковая
 Приготовлена стрѣла!
 Парка, жребію внимая,
 Дни мои ужь опвила!
 И скрыпятъ врага Аида,
 И вѣщаетъ грозный гласъ:
 Все совершилось для Пелида;
 Факель дней его угасъ!

« Вѣрный другъ мой взялъ могилой!
 Брата бой меня лишилъ —
 Въ слѣдъ за нимъ съ земли унылой
 Удалился и Ахилъ!
 Такъ судилъ мнѣ Рокъ жестокой:
 Я паду въ веснѣ моей
 На чужомъ берегу, далѣко
 Опъ Пелеевыхъ очей!

« Ахъ, и сердце запрещаетъ

Долъ жить въ земномъ краю,

Гдѣ ужъ другъ не улаждаетъ

Душу сирую мою!

Гекторъ палъ — его паденьемъ

Тѣнь Папрокла я смирилъ;

Но себѣ за друга мщеньемъ

Пусть къ Тенару проложилъ!

« Ты не жди Менепій, сына!

Не придетъ онъ въ опчій домъ

Здѣсь Эйгеская пучина

Предъ его шумитъ холмомъ!

Спитъ онъ смерть сковала длани

Позабылъ ко славы путь;

И призывный голосъ брани

Не вздымаетъ хладну грудь.

« И Ахиллъ не возвратится!

Въ домъ опчемъ пуспоша

Скоро, скоро водворится!

О Пелей, ты сирота!

Пронесется буря брани —

Ты Ахилла будешь ждать,

И черпогъ свой въ новы пакани

Для приема убирашь;

« Будешь съ берега уныло
 Ты сморѣшь — въ пустой дали
 Не бѣлѣшь ли въприло,
 Не плывушь ли корабли!
 Корабли придутъ опъ Трои —
 А меня ни на одномъ!
 Тамъ, гдѣ билися герои,
 Буду спать — и вѣчнымъ сномъ!

« Тщепно, смертною борьбою
 Мучимъ, будешь сына звать,
 И хладѣющей рукою
 Вкругъ себя его искашь —
 Съ милымъ свѣтомъ разлученья
 Гласъ его не усладишь,
 И на брегъ воды забвенья
 Зовъ опца не долепишь.

« Край опчизны! свѣплы воды!
 Очарованны мѣста!
 Миршъ, оливъ пріюпны своды!
 Пышныхъ доловъ красота!
 Разцвѣпайте, украшайтесь,
 Какъ и прежде, пишиной!
 Какъ и прежде, оглашайтесь
 Кликомъ радости одной!

« Но Папрокла и Ахилла
 Никогда вамъ не видашь!
 Воды Сперхія, сулила
 Вамъ рука моя опдашь
 Кудри съ юныя, опъ брани
 Уцѣлѣвшія главы.....
 Всѣ Папроклу въ даръ! и дани
 Ужъ моей не ждите вы!

« Кони быспрые, изъ боя
 (Тайный Рокъ васъ удержалъ)
 Вы не вынесли героя —
 И на щипъ онъ мерпвый палъ!
 Кони бодрые, репивы,
 Чпожъ шеперь такъ мрачны вы?
 По землѣ влачашся гривы;
 Наклонилися главы;

« Позабыта пища вами;
 Груды мощныя дрожащъ;
 Слышу спонъ вашъ, и слезами
 Очи гордыя блестящъ!
 Знашь Ахилловъ предъ собою
 Зрите вы послѣдній часъ!
 Знашь внушенъ былъ вамъ Судьбою
 Мнѣ конецъ вѣщавшій гласъ!.....

« Скоро ! лукъ свой напрягаешъ,

— Неизбѣжный Аполлонъ,

И пришельца ожидаетъ

Къ Спиксу черному Харонъ!

И Папроклъ съ береговъ забвенья

Въ полуночной тишинѣ

Легкой тѣнью сновидѣнья

Прилепалъ уже ко мнѣ!

« Какъ Зефирово дыханье,

Онъ провѣялъ надо мной;

Мнѣ слышалось призванье,

Сладкій гласъ души родной;

Въ нѣжномъ взорѣ скорбь разлуки,

И слѣды минувшихъ слезъ

Я простеръ ко брату руки

Онъ во мглѣ пуспой исчезъ!

« Опъ Скироса вдаль влекомый,

Поплывешъ Неопполемъ;

Брегъ увидишъ незнакомый,

И зеленый холмъ на немъ;

Кормщикъ юношѣ укажетъ,

Полный думы, на курганъ —

« Вошъ Ахилловъ гробъ! (онъ скажетъ)

« Тамъ вблизи былъ Грековъ спанъ!

« Тамъ, ужасный, на оградѣ

« Намъ явился онъ въ ночи —

« Несперпимый блескъ во взглядѣ,

« Съ шлема грозные лучи!

« И прикрасы звучнымъ крикомъ

« На врага онъ грянулъ спрахъ,

« И Троянецъ съ блѣднымъ ликомъ

Бросилъ щипъ и мечъ во прахъ.

« Тамъ, Априду давъ десницу,

« Съ нимъ союзъ запечатлѣлъ:

« Тамъ гремѣщій, въ колесницу

« Прянувъ, къ Троѣ полетѣлъ;

« Тамъ по праху за собою

« Тѣло Гекторово мчалъ,

« И на препетную Трою

« Взглядомъ мщенія сверкалъ! »

« И сойдешь на брегъ священный

Съ корабля, Неопполемъ,

Чтобъ на холмъ уединенный

Положишь и мечъ и шлемъ!

Вкругъ ужъ пусто! . . . смолкли бои!

— Тихи Ксантъ и Симоисъ!

(И уже на горахъ Трои

Плющъ и терніе свились!

«Обойдешь равнину брани!...

Тамъ, гдѣ раповалъ Ахиллъ,
Ужъ спадаясь робки лани

Вкругъ оставленныхъ могилъ!
И услышишь надъ собою

Двухъ невидимыхъ полетъ....
Этѣ мы!... рука съ рукою!...

Мы, друзья минувшихъ лѣтъ!

«Вспомяни тогда Ахилла!

Быспро въ міръ онъ прошекъ!
Здѣсь Судьба ему сулила
Долгій, но безславный вѣкъ;
Онъ мгновеніе со славой,
Хладну жизнь презрѣвъ, избралъ,
И на друга прупъ кровавой,
До могилы вѣрный, палъ!» —

Онъ умолкъ!... въ шуманѣ Ида;

Опуманенъ Иліонъ;

Спитъ во мракѣ спанъ Априда;

На равнинѣ бипвы сонъ;

И курясь, едва сверкаетъ

Пламень гаснущихъ коспровъ;

И пропяжно окликаетъ

Спража, спражу близъ шапровъ.

ДВѢНАДЦАТЬ

СПЯЩИХЪ ДѢВЪ.

СТАРИННАЯ ПОВѢСТЬ

ВЪ ДВУХЪ БАЛЛАДАХЪ.

ДВѢНАДЦАТЬ

СПЯЩИХЪ ДѢВЪ.

СТАРИНА ПОБѢДЪ

ВЪ ДѢЛѢ ВАЛДЫЖЪ.

Опять ты здѣсь, мой благодатный Геній,
Воздушная подруга юныхъ дней!
Опять съ толпой знакомыхъ привидѣній
Тѣснишься ты, Мечта, къ душѣ моей!
Приди жъ, о другъ! дай прежнихъ вдохновеній!
Минувшею мнѣ жизнью повѣй!
Побудь со мной! продли очарованья!
Дай сладкаго вкуса воспоминанья!

Ты образы веселыхъ лѣтъ примчала —
И много милыхъ пѣней восплаещь!
И то, чѣмъ жизнь споль нѣкогда плѣняла,
Что Рокъ, опиявъ, назадъ не опдаещь,
То все опять душа моя узнала!
Проснулась Скорбь, и Жалоба зоветъ
Сопутниковъ, съ цупи сошедшихъ прежде,
И здѣсь вообще повѣрившихъ надеждъ!

Къ нимъ не дойдуть послѣдней пѣсни звуки;
Разсѣявъ кругъ, гдѣ первую я пѣлъ:
Не встрѣпятъ ихъ проспершыя къ нимъ руки:
Прекрасный сонъ ихъ жизни улещѣлъ!
Другихъ умчалъ могущій Духъ разлуки;
Счастливы край, ихъ знавшій, опуспѣлъ;
Разбросаны по всѣмъ дорогамъ міра —
Не имъ поетъ задумчивая лира!

И снова въ помномъ сердцѣ воскресаетъ
Спремленье въ оный таинственный свѣтъ;
Давнишній гласъ на лирѣ оживаетъ,
Чуть слышимый, какъ Генія полетъ;
И душу хладную разогрѣваетъ
Опять попка по благамъ прежнихъ лѣтъ:
Все близкое мнѣ зрится опдаленнымъ,
Опжившее, какъ прежде, оживленнымъ.

АЛЕКСАНДРЪ АВАРКЕВИЧЪ

ВОЕЙКОВЪ

БАЛЛАДА ПЕРВАЯ.

ГРОМОБОЙ.

Leicht aufzuritzen ist das Reich der Geister!
Sie liegen wartend unter dünner Decke
Und, leise hörend, stürmen sie herauf!

Суровъ оцаренъ SCHILLER.

Печаль по слуху ползаетъ имъ

Будь радостно сердцу!

Имъ съкроуе зана по мнѣй,

По дугамъ будъ вознѣй!

АЛЕКСАНДРЪ АНДРЕЕВНЪ
ВОЕЙКОВОЙ.

Моихъ стиховъ желала ты —
Желанье исполняю!
Тебѣ досугъ мой и мечпы
И лиру посвящаю!
Вопъ повѣспъ прадѣдовскихъ лѣпъ!
Еще жъ — одно желанье:
Цвѣпи, мой несравненный цвѣпъ,
Сердецъ очарованье!
Печаль по слуху только знай!
Будь радостію свѣта!
Моихъ стиховъ хопъ не чидай,
Но другомъ будь поэта!

АЛЕКСАНДРЪ АНДРЕЕВЪ
ВОЕННОЙ

Моя снхора желья ты —
Желья не желья!
Тот дотъ мой и желья
И ты желья!
Вотъ желья желья желья!
Желья желья — одно желья;
Желья, мой желья желья,
Желья желья!
Желья по желья желья!
Желья желья желья!
Моя снхора желья желья,
Но желья желья желья!

Г Р О М О Б О Й.

Надъ пѣнистымъ Днѣпромъ-рѣкой,
 Надъ спирашною спремниной,
 Въ глухую полночь, Громобой
 Сидѣлъ одинъ съ кручиной;
 Окресилъ него дремучій боръ;
 Ушесы подъ ногами;
 Туманенъ видъ полей и горъ;
 Туманы надъ водами;
 Подернушъ мглою сводъ небесъ;
 Въ ущельяхъ вѣперъ свищепъ;
 Ужасно шепчепъ темный лѣсъ,
 И волкъ во мракѣ рыщепъ.

Сидишь съ поникшею главой,
 И думаешь онъ думу:
 «Печальный, горькій жребій мой!
 Клянусь судьбу угрюму!
 Дала мнѣ крестъ тяжелый несть!
 Всѣмъ людямъ жизнь опрада:
 Тѣмъ злаго, тѣмъ покой и честь —
 А мнѣ сума награда!
 Нѣтъ крова защитишь главу
 Отъ бури, непогоды!
 Успалъ я! въ помощь васъ зову,
 Днѣпровски быспры воды!»

Готовъ онъ прыгнуть съ крупизны!
 И вдругъ . . . предъ нимъ явленье!
 Изъ темной бора глубины
 Выходишь привидѣнье:
 Спарикъ съ щепинистой бородой,
 Съ блестящими глазами,
 Въ дугу согнутый надъ клюкой,
 Съ хвостомъ, когтями, рогами.
 Идешь, приближился, грозишь
 Клюкою Громобою
 И топъ, какъ вкопанный, спойшь,
 Зря диво предъ собою.

— Куда? невѣдомый спросилъ. —

« Въ волнахъ скончашъ мученья! »

— Почпо жъ, безсмысленный, забылъ

Во мнѣ искашъ спасенья? —

« Кто ты? воскликнулъ Громобой,

Опъ спрахъ цѣпенѣя. »

— Заспунникъ, другъ, спаситель твой!

Ты видишь Асмодея! —

« Творецъ небесный! » — Удержись!

Въ моливѣхъ нѣтъ опрады!

Забудь о Богѣ — мнѣ молись!

Мои вѣрнѣй награды!

— Прими опъ дружбы Громобой, —

Полезное ученье :

Поспигнуть ты судьбы рукой,

И жизнь тебѣ мученье!

Но всѣмъ бѣдамъ найми конецъ

Я способы имѣю!

Къ тебѣ нежалосливъ Творецъ —

Прибѣгни къ Асмодею.

Могу тебѣ я силу дать,

И честь и много злапа,

И грудью буду я споять

За друга и за брата.

— Клянусь! (свидѣтель адскій богъ,
Чпо кляпвы не нарушу!)

А ты, мой другъ, за шо въ залогъ

— Свою отдай мнѣ душу! —

Невольно вздрогнулъ Громобой,

По плечамъ хладъ спремился!

Земли не взвидѣлъ подъ собой, —

Нѣпѣ силъ перекрестился!

— О чемъ задумался, глупецъ? —

«Спрашусь мученій ада!»

— Но рано ль, поздно ль... наконецъ

Все адъ швоя награда!

— Тебѣ на свѣпѣ жишъ — бѣда! —

Покинушъ свѣпѣ — другая!

Останься здѣсь — поди шуда —

Вездѣ погибель злая!

Ханжи-причудники швердяшъ:

Лукавый! бѣсѣ опасенъ!

Не вѣрь имѣ — бредни! весель адъ!

Лишь въ сказкахъ онѣ ужасенъ!

Мы жизнь пріятную ведемъ!

Нашъ адъ не хуже рая!

Ты скажешь самъ, ликуя въ немъ:

Лишь въ адѣ жизнь прямая!

— Тебѣ я перемъ пышный дамъ,
 И шму людей на службу!
 Къ боярамъ, вишнямъ, князьямъ
 Тебя введу я въ дружбу!
 Досель красавицъ ты пугалъ —
 Придуть къ тебѣ полпою!
 И словомъ — вздумалъ, загадалъ,
 И все передъ тобою!
 И вопъ въ задунокъ кошелекъ:
 Въ немъ вѣчно будешь злою!
 Но десять лѣтъ — не болѣ — срокъ
 Тебѣ такъ жить богато!

— Когда жъ послѣдній день опъ глазъ
 Исчезнетъ за горою;
 Въ послѣдній полуночный часъ
 Приду я за тобою! —
 Спалъ думу думаешь Громобой;
 Подумалъ, согласился,
 И обольщилъ душой
 За злою поклонился.
 Разрѣзавъ руку, написалъ
 Онъ кровью обѣщанье;
 Лукавый принялъ — и пропалъ,
 Сказавши: до свиданья!

И вышелъ въ люди Громобой —

Откуда чпо взялося!

И счастье на него рѣкой

Съ богатствомъ поилося!

Какъ княжескій, разубранъ домъ;

Подвалы полны злапа;

Съ заморскимъ выходы виномъ;

И рѣдкостей палапа;

Пирь — хопъ поспѣ, хопъ мясоѣдъ;

Музыка роговая;

Для всѣхъ — чужихъ, своихъ — обѣдъ,

И чаша круговая.

Возможно все въ его очахъ,

Всему онъ повелитель:

И сильнымъ бичъ, и слабымъ страхъ,

И хищникъ и грабитель!

Двѣнадцать дѣвъ похитилъ онъ

Изъ опческой ихъ сѣни;

Презрѣлъ невинныхъ жалкій спонъ

И родспвенниковъ пѣни;

И въ годъ двѣнадцать дочерей

Имѣлъ опъ обольщенныхъ;

И былъ онъ чуждъ своихъ дѣтей

И крови узъ священныхъ.

Но чадъ оставленныхъ щипомъ
 Былъ Ангелъ ихъ хранишель:
 Онъ далъ имъ приспанъ — Божій домъ,
 Смирения обитель!
 Въ святыхъ спѣвахъ монастыря
 Сокрывъ ихъ съ матерями:
 Да славятъ Вышняго Царя
 Невинныхъ успѣхъ мольбами!
 И горней благодати сѣнь
 Была надъ ихъ главою!
 Какъ вешній ароматный день,
 Цвѣли онѣ красою!

Опъ раннихъ колыбельныхъ лѣтъ
 До юности златая,
 Имъ вѣдомъ былъ лишь Божій свѣтъ,
 Лишь подвиги благія.
 Опъ сна вспавая съ юнымъ днемъ,
 Спекались во храмъ;
 На клиросъ, предъ алтаремъ,
 Кадильницъ въ оиміамъ,
 Въ священный литургій часъ,
 Ихъ слышалось пѣнье —
 И сладкій непорочныхъ гласъ
 Внимало Провидѣнье!

И слезы нѣжныхъ маперей

Съ молитвой ихъ сливались,

Когда во храмъ близъ мощей

Онѣ разпроспирались.

« О! дай имъ кровь, небесный Царь!

(То было ихъ моление)

Да будешь Твой священный олтарь

Незлобныхъ душъ спасенье!

Покинулъ ихъ родной опеѣцъ,

Давъ бѣднымъ жизнь поспылу;

Но призри Ты сиротъ, Творецъ,

И грѣшника помилуй!»

Но вопль наспалъ десятый годъ!

Уже онъ на исходѣ!

И грѣшникъ горьки слезы льѣтъ:

Всему опъ чуждъ въ природѣ!

Опять украшены весной

Луна, пригорки, доли!

И пахарь весель надъ сохой,

И счастья полны сѣлы!

Не зришь лишь онъ злагой весны:

Его померкли взоры;

Въ шуманъ для нихъ погребены

Луга, долины, горы.

Денница ль красная взойдетъ —

« Проспи, гласитъ, денница! »

Въ дубравѣ ль птичка пропоетъ —

« Проспи, весны пѣвица! ... »

Проспи, и мирные лѣса,

И нивы золотыя,

И неба свѣтлая краса,

И радости земныя! »

И вспомнилъ онъ забытыхъ чадъ;

Къ себѣ ихъ призываетъ;

... И мнитъ: онъ Творца смягчатъ!

Невиннымъ Богъ внимаетъ!

И вотъ ... насталъ послѣдній день!

Ужъ солнце за горою;

И спелелся вечерня пѣнь

Прозрачной пеленою;

Ужъ сумракъ ... смерклось ... вотъ луна

Блеснула изъ-за тучи;

Легла на горы пишина;

Упихъ и лѣсъ дремучій;

Рѣка сравнялась въ берегахъ;

Зажглись свѣтила ночи;

И сонъ глубокій на поляхъ;

И близокъ часъ полночи!

И мучимъ смертною поской,
 У Спасовой иконы
 Безъ вѣры ищепъ Громобой
 Опъ ада обороны!
 И юныхъ чадъ къ себѣ призывалъ:
 Сердца ихъ близки раю!
 «Увы! молипесь! (вопіялъ)
 Молипесь! погибаю!»
 Младенца вняпепъ небу спонъ:
 Невинныя молились!
 Но вдругъ на нихъ находипъ сонъ . . .
 Замолкли усыпились.

И все въ ужасной тишинѣ!
 Окреспиносъ какъ могила!
 Вопъ каркнулъ воронъ на спѣнѣ!
 Вопъ спая псовъ завыла!
 И вдругъ пропяжно полночь бьепъ!
 Нашли на небо пучи;
 Рѣка надулась; боръ ревепъ;
 И мчипся прахъ лепучій!
 Увы! . . . послѣдній спрашпый бой
 Олгрянулъ за горами . . .
 Гулъ пише смолкъ и Громобой
 Зрипъ бѣса предъ очами!

— Ты видѣлъ, рекъ онъ, день изъ глазъ
 Сокрылся за горою!
 Ты слышалъ: билъ послѣдній часъ!
 Пришелъ я за побою! —
 « О! дай, молю, хоть малый срокъ!
 Терзаюсь! адъ ужасенъ! »
 — Свершилось! неизбеженъ рокъ!
 И поздний вопль напрасенъ! —
 « Минуту! » — Слышишь? Цѣпь звучитъ! —
 « О спрашный часъ! помилуй! »
 — И гробъ готовъ, и саванъ сшитъ,
 И роютъ ужъ могилу!
 — Заупра день взойдетъ во мгла:
 Подымутся спенанья!
 Увидятъ трупъ швой на сполъ,
 Недвижный, безъ дыханья!
 Кадиль и свѣчь въ дыму густомъ,
 При пихомъ ликовъ пѣньѣ,
 Тебя запрутъ въ подземный домъ
 Навѣки въ започенье!
 И спрашно заснутъ заспучитъ
 Надъ кровлей гробовою!
 И пихо клуръ провозгласитъ:
 Усопшій, миръ съ побою!

— И миръ не будетъ твоей удѣлъ: —

Ты адово спяжанье!

Но время!... идутъ!... часъ приспѣлъ!

Внимай ихъ завыванье!

Спеклись! призывный слышу кличъ!

Ихъ челюсти зіяютъ!

Смола клочечетъ! свещетъ бичъ! —

— Оковы разжигаютъ! —

— «Спасишь-Царь! вонми слезамъ!»

— «Напрасное моленье!» —

«Увы! позволь хоть сиротамъ»

Мнѣ дашь благословенье!»

Младенцевъ спящихъ видятъ бѣсъ —

Сверкнули спрашно очи!

— Лишишь ихъ царствія небесъ!

Предашь ихъ адской ночи!

Вопъ слава! мнѣ возплещетъ адъ

И съ гордымъ Сапаною!

И усмиривъ грозящій взглядъ,

Вѣщаль онъ Громобою:

— Я внялъ твоей печали гласъ!

Есть средство избавленья!

Покоренъ будь, иль въ адъ сей часъ

На скорби и мученья!

— Предай мнѣ души дочерей

За временну свободу,

И дамъ, по милоспи своей,

На каждую по году! —

«Злодѣй! губишь невинныхъ чадъ!»

— Ты медлишь? Приспущише!

Низриньше грѣшника во адъ!

На часпи развлекише!

И вдругъ опвсюду крикъ и спонъ,

Земля запрепешала;

И грянуль громъ со всѣхъ споронъ;

И пма бѣсовъ предспала.

Чудовищъ адскихъ грозный сонмъ!

Бѣгущъ, гремящъ цѣпями,

И спали грѣшника кругомъ

Съ разверзпыми когпями!

И ницъ повергся Громобой,

Безчувспвенъ, полумерпвый;

И вопиъ: «спрашный врагъ, поспой!

Поспой! гошovy жерпвы!»

И скрылись всѣ. Онъ будишь чадъ....

Онъ пищепъ ихъ рукою....

О спрахъ! свершилось! плещепъ адъ

И съ гордымъ Сапаною!

Ты казнь опспрочилъ, Громобой, —
 И дверь сомкнулась ада!
 Но жишь, погибнувши душой —
 Коль спрашная опрада!
 Влачи унылы дни, злодѣй,
 Въ болѣзни ожиданья!
 Веселья нѣтъ душѣ твоей!
 И нѣтъ ей упованья!
 Увы! и красный Божій міръ,
 И жизнь ему поспылы!
 Онъ въ людспѣвѣ дикъ, въ семейспѣвѣ сиръ;
 Онъ вживѣ снѣдъ могилы.

Напрасно вѣспѣ въперокъ
 Съ душиспыя долины;
 И свѣспѣ луны сребриспѣ пошокъ
 Сквозь темны липъ вершины;
 И ласпочка зари восходъ
 Вспрѣчаспѣ щебепаньемъ;
 И роца въ пѣнь свою зовспѣ
 Лиспочковъ препепаньемъ;
 ... И шумъ бѣгущихъ съ поля спадъ
 ... Съ паспушыми рогами
 Вечерній мракъ живопворяпѣ,
 Теряясь за холмами!

Его доселѣ свѣплый домъ

Ужъ сумрака обипель!

Угрюмъ, съ нахмуреннымъ лицомъ

Пировъ веселыхъ зрипель,

Не пьепъ кипящаго вина

Изъ чаши круговыя!...

И спрашенъ день; и ночь спрашна;

И пѣни гробовыя

Онъ всюду слышипъ грозный вой;

И въ часъ глубокой ночи

Бѣжипъ одра его покой;

И сонъ забыли очи.

И пмы лѣсовъ спрашипся онъ:

Тамъ бродипъ привидѣнье!

То чудипся полночный звонъ,

То погребально пѣнье!

Спрашипъ его и бури свиспъ,

И грозныхъ пучъ молчанье,

И съ шорохомъ падуцій лиспъ,

И роци содраганье!

Прокапипся ль по небу громъ —

Блѣднѣепъ! дыбомъ волосъ!

«То мспипель, посланъ Божеспвомъ!

То казни спрашпый голосъ.»

И видъ прелестный юныхъ чадъ

Ему не наслаждение!

Ихъ милый, чувства полный взглядъ,

Спокойствие, смирение,

Краса - веселіе очей,

И гласа нѣжны звуки,

И сладость ласковыхъ рѣчей

Его сугубятъ муки.

Какъ роза - благовонный цвѣтъ

Подъ сѣнію надежной,

Онъ цвѣтупъ: имъ скорби нѣтъ!

Ихъ сердце безмятено!

А онъ! . . . пресупникъ! . . . онъ, въ шокъ

На нихъ подьема очи,

Отверзшу видѣтъ вдалекъ

Пучину адской ночи.

Онъ плачетъ! онъ судьбу клянетъ!

« О милыя творенья!

Какой вась люмый жребій ждешь!

И гдѣ искашь спасенья?

Напрасно вамъ дана краса!

Напрасно сердцу милы!

Закрышь вамъ путь на небеса!

Цвѣтете для могилы!

« Увы ! пора любви придетъ :

Вамъ сердце тайну скажетъ,

Для васъ украситъ Божій свѣтъ,

Вамъ милаго покажетъ !

И взоръ наполнится тоской,

И пихимъ грудь желаньемъ,

И, распаленныя душой,

Влекомы ожиданьемъ,

Для васъ взойдетъ краснѣе день,

И будетъ лугъ душистѣй,

И сладостнѣй дубравы тѣнь,

И пичка голосистѣй !

« И дни блаженства не придутъ !

Спрашнесь милой встрѣчи !

Для васъ не брачныя зажгутъ,

А погребальны свѣчи !

Не въ Божій, гимновъ полный, храмъ

Пойдете съ женихами . . .

Ужасный гробъ готовятъ намъ !

Прокляты небесами !

И нашъ удѣлъ тоска и спонъ

Въ обителяхъ геенны !

О грозный жребія законъ !

О жертвы драгоцѣнны ! . . .

Но взоръ возвелъ онъ къ небесамъ
Въ душевномъ сокрушеньѣ,

И мнишь — самъ Богъ вѣщаетъ намъ :

Въ раскаяньи спасенье!

Возносясь предъ Вышній пронъ

Пресупниковъ спенанья! ..

И домъ свой обращаетъ онъ

Въ обитель покаянья :

Да странникъ тамъ найдетъ покой,

Вдова и сирый друга,

Голодный сладку снѣдь, больной

Спасенье опъ недуга.

Съ утра до ночи у воропъ

Служитель на спорожъ;

Онъ всѣхъ прохожихъ въ домъ зовѣтъ :

« Есть хлѣбъ - соль, мягко ложе! »

И вопъ уже изъ всѣхъ краѣвъ,

Влекомыя молвою,

Идутъ толпы сиропъ и вдовъ

И нищихъ къ Громобою.

И всѣхъ приемишь Громобой;

Всѣмъ данъ его гопова;

Онъ щедрой лапо льетъ рукой

Опъ имени Христова.

И Божій онъ воздвигнулъ домъ;
 Подобье свѣшла рая,
 Обипель иноковъ при нёмъ
 Является свяшая;
 И въ той обипели свяшой,
 Опъ браціи смиренной
 Увѣчный, дряхлый, и больной,
 И скорбью убіенный
 Приемлютъ, именемъ Творца,
 Опраду, изцѣленье:
 Да воскрешаемы сердца
 Узнають Провидѣнье.

И славный масперъ призванъ былъ
 Изъ города чужаго,
 Онъ во храмъ ликъ изобразилъ
 Угодника свяпаго;
 На той Иконѣ Громобой
 Былъ видимъ съ дочерями,
 И на молящихся Свяпой
 Взиралъ любви очами.
 И день и ночь огонь пылалъ
 Предъ образомъ въ лампадѣ;
 Въ запомъ вѣнцѣ алмазъ сіялъ,
 И перлы на окладѣ.

И въ часъ, когда рѣдѣетъ тѣнь,
 Еще дубрава дремлетъ,
 И воцаряющійся день
 Полнеба лишь объемлетъ;
 И въ часъ вечерней пищины —
 Когда вездѣ молчанье,
 И свѣчи, въ храмѣ возжены,
 Льютъ тихое сіянье —
 Въ слезахъ раскаянья, съ мольбой,
 Предъ образомъ смиренно
 Разпроспирался Громобой,
 Веригой опягченной

Но быспро, быспро съ горь пекутъ
 Въ долину вешни воды —
 И невозвратныя бѣгутъ
 Дни, мѣсяцы и годы!
 Ужъ время съ годомъ десять лѣтъ
 Невидимо умчало;
 Последняго двухъ претей нѣтъ —
 И будто не бывало!
 И нѣкій неопсупный гласъ
 Въщаетъ Громобою:
 Всему конецъ! твой близокъ часъ!
 Погибель надъ тобою!

И вопль . . . недугъ низринулъ злой
 Его на одръ мученья!
 Разперзанъ люпою рукой,
 Не чая изцѣленья,
 Всечасно предъ собой онъ зришь
 Отверзпу дверь могилы;
 И у возглавія сидишь
 Надъ нимъ призракъ унылый.
 И нѣшь ужъ силъ ходишь во храмъ
 Къ Иконѣ чудотворной —
 Лишь взоръ онъ мечетъ къ небесамъ,
 Молящій, но покорной!

Увы! ужъ и послѣдній день
 Край неба озлащаетъ;
 Сквозь темную дубравы стѣнь
 Блистанье проникаетъ;
 Все тихо, весело, свѣтло!
 Все нѣгой сладкой дышетъ!
 Рѣка прозрачна, какъ стекло;
 Едва, едва колышетъ
 Листами легкій вѣтерокъ;
 Въ поляхъ благоуханье;
 Къ цвѣтку прилиплъ мотылькъ
 И пьетъ его дыханье.

Но грѣшникъ сей въспрѣчаесть день
 Со спономъ и слезами!
 « О рано ты, ночная тѣнь,
 Разспалась съ небесами!
 Спекипесь, дѣши! одръ опца
 Съ молитвой окружише!
 И предъ судилище Творца
 Спенанія пошлише!
 Ужасенъ намъ сей ночи мракъ!
 Взывайше : Искупитель!
 Смягчи грозящій гнѣва зракъ!
 Не будь намъ спрогій Мспитель! »

И спрашнаго одра кругомъ —
 Гдѣ блѣденъ, изможденный,
 Съ обезображеннымъ челомъ,
 Всѣ кости обнаженны,
 Брада до чреслъ, волосы горой,
 Взоръ дикій, впалы очи,
 Вopilъ опъ муки Громобой
 Съ упра до поздней ночи —
 Спеклися дѣвы, ясный взоръ
 На небо успремили,
 И въ тихій къ Провидѣнью хоръ
 Сердца совокупили.

О видъ, угодный небесамъ!
 Такъ Ангелы спасенья,
 Воиня раскаянья слезамъ,
 Съ улыбкой примиренья,
 Въ очахъ опрада и покой,
 Оптъ горняго черпога
 Низходящъ съ милоспью свяшой,
 Предшеспвенники Бога,
 Къ одру болѣзни въ смерпный часъ...
 И упомленъ спраданьемъ,
 Сынь гроба слышищъ тихій гласъ:
 Опыди съ упованьемъ!

И дѣвы, чистыя душой,
 Подъемля къ небу руки,
 Смиреной мыслили мольбой
 Опца спокоишь муки;
 Но ужасъ близкаго конца
 Надъ нимъ уже носился;
 Языкъ коснѣющій Творца
 Еще молишь спремился;
 Тоскуя, взоромъ онъ искалъ
 Сіянія денницы...
 Но взоръ недвижный угасалъ,
 Смыкалися зѣницы!

« О дѣши! дѣши! гаснесть день! »

— Нѣтъ, упрѣ! лишь проснулась
Заря на холмѣ; черна пѣнь

По долу пропѣнулась;

И нивы пуспы... въ высопѣ

Лишь жаворонокъ въепся! —

« Увы! заупра въ красопѣ

Опянь сей день проснепся!

Но мы..... ужъ скрылись опѣ земли!

Уже насъ гробъ снѣдаепъ!

И мѣсто, гдѣ поднесъ цвѣли,

Насъ болѣ не признаепъ!

« Несчастливыя! дерзну ль на васъ

Изрѣчь благословенье?

И въ самой вѣчноспи для насъ

Погибло примиренье!

Но не сопупспивуйте опцу

Съ прокляпиемъ въ могилу!

Молипесь! воззовемъ къ Творцу:

Разгнѣванный, помилуй! »

И дѣши, спрашныхъ сихъ рѣчей

Не всю объемля силу,

Съ невинной ясноспью очей

Воскликнули; помилуй!

« О дѣши, дѣши! ночь близка! »

— Лишь полдень наступаетъ;
Паспухъ у водъ для холодка
Со спадомъ опдыхаетъ;
Молчатъ поля; въ долинѣ сонъ;
Пылаетъ небо знойно! —

« Мнѣ чудится надгробный спонъ! »

— Все тихо и спокойно!
Лишь свѣжій вѣперокъ, порой
Подъемаюсь съ поля, дуешь;
Лишь иволга въ глуши лѣсной
Повременно воркуешь! —

« О дѣши! свѣплый день угасъ? »

— Ужь солнце за горою;
Ужь по закапу разлилась
Багряною спруёю
Заря, и съ пламенныхъ небесъ —
Спокойный вечеръ сходитъ,
На заревѣ чернѣетъ лѣсъ,
Въ долинѣ сумракъ бродитъ! —
« О вечеръ сумрачный, поспой!
Помедли, день прелесной!
Помедли! взоръ не узришь мой
Тебя ужъ въ поднебесной! ... »

« О дѣши, дѣши! ночь близка! »

— Заря ужъ догорѣла;

Въ шуманъ одѣлася рѣка;

Окреспность поблѣднѣла;

И на распушіи пыляшъ

Спада, спѣша къ селеню! —

« Спасише! полночь бѣешъ! » — Звоняшъ

Въ обипели къ моленю;

Опцы поюшъ хвалебный гласъ;

Огнями храмъ блиспаешъ! —

« При нихъ и грѣшникъ въ спрашный часъ

Въ шебѣ, Творецъ, взываешъ! . . .

« Не пмишся ль, дѣши, неба сводъ?

Не мчашся ль черны пучи

Не вздуль ли вихоръ бурныхъ водъ?

Не вьешся ль прахъ лепучій? »

— Все тихо . . . служба опошла;

Обипель засыпаешъ;

Луна полнеба пропекла;

И Божій храмъ сіяешъ

Одинъ съ холма въ окреспной мглѣ;

Луга, поля безмолвны;

Огни попухнули въ селѣ;

И роци спяшъ и волны! —

И всюду тишина была!

И вся природа, мнилось,

Предуспрашенная ждала,

Чшобъ чудо совершилось! . . .

И вдругъ . . . какъ будто въперокъ

Повѣялъ опть воспока,

Чуть пронуль дремлющій лиспокъ,

Чуть пронуль зыбь попока . . .

И нѣкій гласъ промчался съ нимъ . . .

Какъ будто надъ звѣздами

Коснулся арфы Серафимъ

Эфирными перспами.

И пихо, пихо Божій храмъ

Опверзся Неизвѣспной

Явился спарець дѣвъ очамъ,

И ликъ красы небесной,

И кропоспъ благоспныхъ очей

Раждали упованье;

Одѣянъ ризою лучей,

Окреспъ главы сіянье,

Онъ не касался до земли

Въ воздушномъ приближеньѣ

Предъ нимъ незримыя шекли

Надежда и Спасенье.

Сердца ихъ ужасъ обуялъ

« Кпо сей, во славѣ зримый? »

Но близъ одра уже споялъ

Пришлецъ неизъяснимый.

И къ дѣвамъ прикоснулся онъ

Полой своей одежды:

И тихій во мгновенье сонъ

На ихъ просперся вѣжды!

На искаженный спарца ликъ

Онъ кинулъ взглядъ укора:

И препенъ въ грѣшника проникъ

Опъ пламеннаго взора!

« О! кпо ты, грозный сынъ небесъ?

Твой взоръ мнѣ наказанье! »

Но спрашный спрогоспью очесъ

Пришлецъ хранилъ молчанье

« О дай, молю, пвой слышапъ гласъ!

Одно надежды слово!

Грядетъ неопразимый часъ!

Событіе гошова! »

— Вы ликъ во храмъ чпили мой!

И въ помъ изображеньѣ

Моя десница надъ побой

Просперпа во спасенье! —

« Ахъ чпо жъ Могущій повелѣлъ! »

— Надѣйся и спрашися! —

« Увы! какой насъ ждешь удѣлъ? »

Чпо жребій ихъ? « — Молися! —

И, руки положивъ крестомъ

На грудь изнеможенну,

Предъ неиспытаннымъ Творцомъ

Моливу сокрушенну

Умолкшій проліялъ въ слезахъ;

И тяжко грудь дышала,

И въ призывающихъ очахъ

Вся скорбь души сіяла!...

Вдругъ началъ пмипсья неба сводъ —

Мрачнѣе и мрачнѣе;

За тучей грозною идѣтъ

Другая вслѣдъ грознѣе;

И спрашно сшиблись надъ главою!

И небо заклубилось!

И вдругъ повсюду съ черной мглой

Молчанье воцарилось!

И близокъ часъ полночи былъ

И ризою свяшою

Угодникъ спящихъ дѣвъ накрылъ, —

— Ошспупника десною.

И, устремленны на воспокъ,

Горѣли спарца очи...

И вдругъ, сквозь сонъ и мракъ глубокъ,

— Въ пучинѣ черной ночи,

Завылъ пропяжно вѣщій бой —

Окреспность съ нимъ завывала!

Вдругъ.... спрашной молнія спруей

Сводъ неба раздвоила!

По тучамъ вихоръ пробѣжалъ!

И съ сильнымъ грома прескомъ,

Ревущей бурѣ, бѣсъ предспалъ,

Одѣянъ адскимъ блескомъ!

И змѣи въ пламенныхъ власахъ —

Клубясь, шипящъ и свищущъ;

И радость злобная въ очахъ —

Кругомъ, сверкая, рыщущъ;

И тяжкой цѣпью онъ гремѣлъ —

Увлечъ добычу льсшился;

Но спарца грознаго узрѣлъ —

Упихнулъ и смирился!

И вмигъ гордыни блескъ угасъ!

И, смущень вопрошаетъ:

— Чпо, мощный врагъ, тебя въ сей часъ

Къ симъ падшимъ призываетъ? —

« Я зрѣлъ мольбу ихъ предъ собой! »

— Они мое спяжанье! —

« Передъ Небеснымъ Судіей

Всесильно покаянье! »

— И часъ суда Его пришекъ!

Ихъ жребій совершился! —

« Еще ко Благоспи не рекъ

Онъ въ гнѣвъ: удалися! »

— Онъ правъ — и я владыка имъ! —

« Онъ благъ — я ихъ хранипель! »

— Исчезни! адъ неопразимъ! —

« Опивъшпвуй, Искупипель! »

И громъ съ воспока полешѣлъ!

И бездну пучь прикрапы

Разсѣкъ браздами яркихъ спрѣлъ

Перунъ огнекрилапый!

И небо съ края въ край зажглось,

И возспенало въ спрахѣ!

И дрогнула земная ось!.....

И, воющій во прахѣ,

Творца грядуща слышимъ бѣсъ!

И молился Хранипель!...

И спалъ на высотѣ небесъ

Средь молній Ангелъ - мспипель!

«Гряди! и вѣчный Божій судъ
Несетъ моя десница!

Мнѣ Казнь и Благоспѣе предшкупъ!...
Во прахъ, чадоубійца!»

О всемогущество словесъ!
Уже опшупникъ плѣнье!

Попухъ послѣдній свѣтъ очесъ;
Въ коспяхъ оцѣпенѣнье;

И ликъ кончиной искаженъ;
И сердце охладѣло;

И опъ сомкнувшихся успень
Дыханье оплелѣло!

«И праху обладатель адъ!
И гробу отверженъе,

Доколь на погубленныхъ чадъ
Не снидешъ искупленъе!

И чадамъ непробудный сонъ!
И шопъ, кпо чиспъ душою,

Кпо, ихъ не зрѣвши, распалѣнъ
Одной изъ нихъ красою,

Придешъ, жишейское презрѣвъ,
Въ забвенну ихъ обипель:

Есть обреченный спящихъ дѣвъ
Опъ неба искупитель!»

« И будущъ спашь: и къ нимъ вѣка
 Въ полетѣ не коснуся;
 И пройдетъ плѣнія рука
 Ихъ мимо; и проснуся
 Съ неизмѣнившейся красой
 Для жизни обновленной;
 И низойдетъ тогда покой
 Къ могилѣ искупленной;
 И будетъ миръ въ его коспяхъ;
 И претворенный въ радость,
 Творца поспигнувъ въ небесахъ,
 Речетъ: Господь есть Благосъ! » ...

Ужъ вѣспникъ упра въ высопѣ;
 И слышенъ громкій пѣпель:
 И день въ воздушной красопѣ
 Лешипъ, какъ радость, свѣпель! ...
 Узрѣли дѣвъ, объяпыхъ сномъ,
 И спарца прунъ узрѣли!
 И мершвый спрашенъ былъ лицомъ
 Глаза, не зря, смопрѣли;
 Какъ будто спраждуцъ, прижималъ
 Онъ къ хладнымъ персямъ руки,
 И на усахъ его ропшалъ,
 Казалось, голосъ муки.

И спящихъ ликъ покоенъ былъ:

Невидимо крылами

Ихъ тихій Ангелъ облачилъ;

И райскими мечтами

Чудесный былъ исполненъ сонъ;

И сладкимъ ихъ дыханьемъ

Окреспъ былъ воздухъ распворёнъ,

Какъ розъ благоуханьемъ;

И разцвѣтали ихъ уста

Улыбкою прелестной,

И ихъ являлась красота

Въ спокойствіи небесной.

Но вопъ — ужъ гробъ одѣшь парчой;

Опверзлася могила;

И слышенъ колокола вой;

И теплются кадила;

Идутъ и спаръ и младъ во храмъ;

Подъемлеся рыданье;

Даютъ безчувственнымъ устамъ

Послѣднее лобзанье;

И грянулъ въ гробъ ужасный млатъ;

И взялъ ужъ гробъ землёю;

И ликъ воспѣлъ: усопшій братъ,

Навѣки миръ съ побою!

И вопъ — и спаръ и младъ пошли

Обратно въ домъ печали;

Но вдругъ предъ ними изъ земли

Вкругъ дома грозно вспали

Гранины спѣны — верхъ зубчатъ,

Бока одѣны лѣсомъ —

И, сгрянувшись, запворы врапъ

Задвинулись упесомъ.

И вспяпъ погналъ пришельцевъ спрахъ!

Бѣгупъ, не озираясь!

« Небесный гнѣвъ на сихъ спѣнахъ! »

Вѣщающъ, содрогаясь. — —

И спала та спрана съ тѣхъ поръ

Добычей запуспѣнья;

Поля покрылъ дремучій боръ;

Разсыпались селенья;

И человѣчій гласъ умолкъ —

Лишь филинъ на упесѣ,

И въ ночь осенню гладный волкъ

Тамъ воюпъ въ черномъ лѣсѣ;

Лишь дико межъ сѣдыхъ береговъ,

Спираема корнями

Изрыпыхъ бурею дубовъ,

Рѣка клубипъ волнами.

Гдѣ древлѣ окружала храмъ —
 Опшельниковъ обипель,
 Тамъ грозно свипщѣ по спѣнамъ
 Змѣя, развалинѣ жипель;
 И гимнѣ по сводамъ не гремишѣ —
 Лишѣ, вѣющій порою,
 Пустынный вѣперѣ шевелишѣ
 Въ развалинахъ правою;
 Лишѣ, оппоргаяся опѣ спѣнѣ,
 Капипся камни съ шумомъ,
 И гуль, навремя пробужденѣ,
 Шумипѣ въ лѣсу угрюмомъ.

И на шуманиспомѣ холмѣ
 Могильный зрипся камень:
 Надѣ нимѣ всегда въ полночной пмѣ
 Сіеипѣ блѣдный пламенѣ.
 И креспѣ поверженный обвишѣ
 Лиспами павилики:
 На немѣ угрюмый вранѣ сидипѣ,
 Могилы спорожѣ дикій.
 И все, какѣ мерпвое окреспѣ:
 Ни лиспѣ не шевелипся,
 Ни звѣрѣ близѣ сихѣ не пройдепѣ мѣспѣ,
 Ни ппица не промчипся.

Но полночь лишь сойдетъ съ небесъ —

Вранъ черный вспрепенется,

Зашепчетъ пробужденный лѣсъ,

Могила попрысается;

И видится бродяща шѣнь

Тогда въ пусшынѣ ночи:

Какъ блѣдный на шуманъ день

Ея сіяють очи;

То взоръ возводитъ къ небесамъ,

То, съ видомъ шажкой муки,

Къ непроницаемымъ спѣнамъ

Моля подъемлетъ руки.

И въ нѣдрѣ неприспунныхъ спѣнъ

Молчаніе могилы;

Окрестъ ихъ, мглою покровенъ,

Свѣдетъ лѣсъ унылый:

Тамъ вѣперъ не шумитъ въ лиспахъ,

Не слышно водъ журчанья,

Ни благовонія въ цвѣпахъ,

Ни въ правкѣ нѣтъ дыханья.

И дѣвы спятъ — ихъ сонъ глубокъ!

И жребій искупленья,

Безвѣстно, близокъ иль далѣкъ!

И нѣтъ имъ пробужденья.

— Но въ часъ, когда поля заснутъ,
 И мглой земля одѣта,
 (Между поржесивенныхъ минутъ
 Полночи и разсвѣта)

Одна изъ спящихъ воспаѣтъ —
 И, спранныкъ одинокой,
 Свой срочный начинаѣтъ ходъ
 Кругомъ спѣны высокой;
 И смоприѣтъ въ даль, и ждеѣтъ съ поскою
 « Приди! приди, спасиѣель! »
 Но даль покрыта черной мглой...
 Неидѣтъ, неидѣтъ спасиѣель!

Когда жъ исполнился луна,
 Чреда приходиѣтъ смѣны;
 Въ урочный часъ пробуждена,
 Одна идеѣтъ на спѣны,
 Другая къ ней со спѣнъ идеѣтъ,
 Вспрѣчаѣтся, и руку,
 Вздохнувъ, пришелицѣ даѣтъ
 На долгую разлуку;
 Попомъ къ почиющимъ сеспрамъ,
 Задумчива, опходиѣтъ,
 А та печально по спѣнамъ
 Одна до смѣны бродиѣтъ.

И скоро ль? Долго ль? . . . Какъ узнать!

Гдѣ вѣспникъ искупленья?

Гдѣ пошъ, кпо власпень побѣждашь

Всѣ ковы обольщенья,

Къ прелестной прилѣплень мечпѣ?

Кпо могъ бы, чиспѣ душою,

Небесной вѣренъ красопѣ,

Непобѣдимъ земною,

Все предспоящее презрѣшь,

И съ вѣрою смиренной,

Надежды полонъ, въ даль лепѣшь

Къ наградѣ сокровенной? . . .

Dein die Götter haben dich Pfand!

Nur ein Wunder kann dich tragen

In das schöne Wanderland.

Schiller.

И скоро ль, жено ль... Какъ знаешь!

И въ вѣнчикъ неуклюжий

Иль пина, кто ласкаетъ шею

Иль коня одолевая,

Ка прической причесана нежна?

Кто мотъ, бы, мотъ, мотъ, мотъ,

Носомъ въ ротъ вращаетъ,

Или жидкая земля,

Все предвѣденье предвѣдья,

Иль въ вѣнчикъ неуклюжий,

Надежда полна, въ дѣла нежная

Ка вѣнчикъ неуклюжий...

Еще въ вѣнчикъ неуклюжий

Чужа предвѣденье предвѣдья

Въ утробѣ вѣнчикъ неуклюжий

Одна жидкая земля,

Друга въ вѣнчикъ неуклюжий

Вспрыснутая, и руху,

Воздуху, предвѣденье предвѣдья

Или жидкая земля,

Подомъ въ вѣнчикъ неуклюжий

Задумчива, охладя,

А въ вѣнчикъ неуклюжий

Одна жидкая земля.

БАЛЛАДА ВТОРАЯ.

ВАДИМЪ.

Du musst glauben, du musst wagen,
Denn die Götter leihn kein Pfand!
Nur ein Wunder kann dich tragen
In das schöne Wunderland.

SCHILLER.

BAJADA BTOPAR.

BADNM.B.

In das schöne Wunderland.
Nur ein Wunder kann dich tragen
Denn die Götter teilen kein Pfand!
Du mußt glauben, du mußt wagen,

SCHILLER.

ДМИТРІЮ НИКОЛАЕВИЧУ

Б Л У Д О В У.

Бошѣ повѣспи моеѣ конецъ —

И другу посвященье!

Пѣвцу жѣ смиренному вѣнецъ

Будь дружбы одобренье!

Вадимъ мой ростъ въ твоихъ глазахъ;

Твой вкусъ былъ мнѣ учишель;

Въ моихъ запущанныхъ спихахъ,

Какъ тайный вождь-хранишель,

Онъ пушъ мнѣ къ цѣли проложилъ!

Но въ пользу ли услуга?

Не знаю! Дѣвъ я разбудилъ!

Не усыпишь бы друга!

УМНТІЮ ПІКОЛІВНІУ

БІЛДОВІ

Вотъ повѣсти мой конецъ —

И вѣдѣть повѣдѣнне!

Нравъ же емирному вѣдѣ

Буде вѣдѣти одобренне!

Вѣдѣнне мой вѣдѣ въ вѣдѣхъ вѣдѣхъ;

Твой вѣдѣ вѣдѣ вѣдѣхъ;

Въ вѣдѣхъ вѣдѣхъ вѣдѣхъ;

Вѣдѣхъ вѣдѣхъ вѣдѣхъ;

Она вѣдѣхъ вѣдѣхъ вѣдѣхъ;

Но въ вѣдѣхъ вѣдѣхъ;

Не знаю!... Вѣдѣхъ вѣдѣхъ;

Не вѣдѣхъ вѣдѣхъ;

В А Д И М Ъ.

Въ великомъ Новградѣ Вадимъ
Плѣнялъ всѣхъ красоюю,
И дерзскимъ мужеспвомъ своимъ,
И сердца проспоюю.
Его упѣха: по лѣсамъ
Скипашься за звѣрями;
Ужасный вепрямъ и волкамъ
Разящими спрѣлами,
Въ осенній хладъ и лѣпній зной
Онъ съ вѣрнымъ псомъ на ловлѣ;
Ему поспелей — мохъ лѣсной,
А сводъ небесный кровлей.

Уже двадцатая весна
 Вадимова наспала;
 И, чувства тайного полна,
 Душа въ немъ унывала:
 « Чего искашь? Въ какихъ спранахъ?
 Къ чему спремипъ желанье? »
 Но все — и пишина въ лѣсахъ,
 И быспрыхъ водъ журчанье,
 И дня мѣняющійся видъ
 На облакъ небесномъ,
 Все, все Вадиму говоришь
 О чемъ-то неизвѣспномъ.

Однажды, ловлей упомлѣнь,
 Близъ Волхова на брегъ
 Онъ погрузился въ легкій сонъ ...
 Спруи въ свободномъ бѣгъ
 Шумѣли, по корнямъ древесъ
 Съ плесканьемъ разливаясь;
 Душей весны былъ полонъ лѣсъ;
 Лиспочки, развиваясь,
 Дышали жизнью молодой;
 Все благовонно было ...
 И солнце съ пверди голубой
 Къ холмамъ ужъ низходило.

И къ упру видѣтъ сонъ Вадимъ:
 Одѣянъ ризой бѣлой,
 Предспаль чудесный мужъ предъ нимъ —
 Во зорѣ лучъ веселой,
 Ликъ важный свѣшель, спанъ высокъ,
 На сѣдинахъ блиспанье,
 Въ рукѣ серебряный звонокъ,
 На персяхъ крестъ въ сіяньѣ;
 Онъ шелъ, какъ будто бы лепѣлъ,
 И, осѣнивъ перспами,
 Благовѣспящими воззрѣлъ
 На юношу очами.

«Вадимъ! желанное вдали!
 Вѣрь небу! жди смиренно!
 Все измѣняетъ на земли,
 А небо неизмѣнно!
 Спремись! я провожаемый твой!»
 Сказалъ — и въ пождь мгновенье
 Въ дали явилось голубой
 Прелесное видѣнье:
 Младая дѣва, ликъ закрытъ
 Завѣсою шуманной,
 И на главѣ ея лежишь
 Вѣнокъ благоуханной.

Вздыхая жалобно, рукой

Манило привидѣнье

Иппи Вадима за собой

И юноша въ смятенѣ,

Къ ней, сердцемъ вспыхнувъ, полетѣлъ! . . .

Но вдругъ призракъ сокрылся!

Вдали звонокъ одинъ гремѣлъ,

И блѣдный лучъ свѣтился.

И вмѣстѣ съ дѣвою пропалъ

Спарикъ въ одеждѣ бѣлой! . . .

Вадимъ проснулся — день сіялъ,

А въ вышинѣ звѣнѣло.

Онъ смогрипъ въ даль на свѣплый югъ:

Тамъ ясно все и чиспо;

Опшоль черезъ обширный лугъ

Спруею серебриспой

Капился Волховъ; небеса

Сливались памъ съ землѣю;

Туда, за холмы, за лѣса,

Мчалъ облака полною

Лепучій, вешній вѣперокъ

Смяпенный, въ ожиданѣ,

Онъ смогрипъ, слушаепъ . . . звонокъ

Умолкъ — и все въ молчанѣ.

Три сряду упра попъ же сонъ!

Душа его въ волненьѣ!

« О чпо же пы, взываетъ онъ,

Прекрасное явленье?

Куда зовешь, волшебный гласъ?

Кпо пы, пришлецъ священный?

Ахъ, гдѣ она? Увижу ль васъ?

И сердцу опкровенный

Предѣлъ опкроется ль очамъ? » ...

Но щепно онъ очами

Лепишь къ далекимъ небесамъ

Туманъ подъ небесами!

И цѣлый міръ его мечпой

Предъ нимъ одушевился!

Воспокъ ли свѣжею красой

Денницы золопился —

Ему являлся шамъ покровъ

На образѣ прелесномъ!

Дышалъ ли запахомъ цвѣповъ —

Въ немъ скорбь о неизвѣспномъ,

Сспремленье въ даль, любви поска,

Томленіе разлуки!

И въ каждомъ шумѣ вѣшерка

Звонка призывны звуки.

И онъ, невластный побѣдитъ
 Могущаго спремленья,
 Къ опцу и къ маперѣ проситъ
 Идешъ благословенья.

« Куда (печальная въ слезахъ
 Сказала маперъ сыну)?

Въ чужихъ испытываешь спранахъ
 Невѣрную судьбину?

Поспой! на родинѣ твоей
 Домъ опчій безопасный!

Здѣсь сладостна любовь друзей!
 Здѣсь дѣвицы прекрасны! »

— Увы, желаннаго здѣсь нѣтъ!

Спокой себя, родная!

Меня опъ васъ въ далекій свѣтъ
 Ведетъ рука свяшая.

И не задремлетъ ни на часъ
 Хранитель поспоянный!

Но гдѣ онъ? Чей я слышалъ гласъ?

Кто вождь сей безымянный?

Куда ведетъ? Какой спезей?

Не знаю! и напрасенъ

Въ незнаньи спрахъ! живъ спутникъ мой!

Пусть вѣры безопасенъ! —

Надѣвъ на сына крестъ запой,

Опѣшпвуетъ родная:

« Проспи! да будетъ надъ тобой

Его любовь святая! »

Снимаетъ со стѣны опецъ

Свои доспѣхи рапины:

« Проспи! вопъ мечъ мой кладенецъ,

Мой щипъ и шлемъ булатный! »

Сынъ въ землю мапери, опцу;

Цѣлуетъ образъ; плачетъ;

Конь борзый подведенъ къ крыльцу;

Онъ сѣлъ — онъ крикнулъ — скачетъ!...

И пыльный по дорогѣ слѣдъ

Поднялъ конь быспроногой;

Но вопъ уже и слѣду нѣтъ!

И пыль слилась съ дорогой!...

Вздыхнулъ опецъ; со вздохомъ мапъ

Пошла въ свою свѣплицу!

Ей долго ночь въ слезахъ вспрѣчатъ,

Въ слезахъ вспрѣчатъ денницу;

Передъ Владычицей зажгла

Съ молиптою лампаду:

Что бы ему покровъ была,

Чтобъ ей дала опраду.

Вопгъ на распушїи Вадимъ!

Весь мїръ неизмѣримый

Ему опкрыпъ; за нимъ, предъ нимъ

Поля необозримы;

Въ чужбинѣ онъ; въ желанный край

Невѣдома дорога.

«Что жъ медлишь? Вѣрь — не выбирай!

Впередъ! во имя Бога!

Куда, и какъ привесъ меня,

То вождь мой знаешъ болѣ!»

Такъ онъ подумалъ — и коня

Пустилъ бѣжашъ по волѣ.

И добрый конь какъ будпо самъ

Свою дорогу знаешъ;

Онъ все на югъ! онъ по полямъ

... Пушь новый пробиваетъ!

Попокъ ли встрѣпишь — и въ попокъ!

Лишь только пѣна прыщепъ!

Ко рву ль примчипся — разомъ скокъ!

Лишь только воздухъ свищепъ!

Заглохъ ли лѣсъ — съ нимъ широка

Дорога въ чащѣ лѣса!

Ушесъ ли крупъ — онъ сѣдока

Спрѣлой на крупъ ушеса!

Бѣгутъ за днями дни; Вадимъ
 Все далѣ; конь послушный
 Не успаётъ; и всюду имъ
 Въ пущи пріемъ радушный:
 Ко граду ль случай заведётъ,
 Къ селу ль, къ лачужкѣ ль дымной —
 Вездѣ прищельцу у ворогъ
 Привѣтъ гостепріимной!
 Вездѣ заботливо дають
 Хлѣбъ-соль на подкрѣпленье,
 На темну ночь свяпой пріютъ,
 На пущь благословенье!

Когда жъ заспигнетъ мракъ ночной,
 Въ лѣсу, иль въ полѣ чистомъ —
 Нашъ Випись, щипъ подъ головой,
 Спишь на коврѣ росистомъ
 Благоуханной муравы;
 Надъ нимъ капясь, сіяють
 Ночныя звѣзды; вкругъ главы
 Младые сны лепашутъ;
 И конь, не дремля, спорожитъ;
 И къ споронѣ пой, мнишься,
 И звѣрь опасный не бѣжитъ,
 И змѣй приползъ боится.

И дни бѣгутъ — весна прошла,
 И соловьи опѣли,
 И липа въ рощахъ зацвѣла,
 И нивы пожелтѣли.

Вадимъ все далѣ! ужь предъ нимъ
 — Широкий Днѣпръ сіяетъ;
 Онъ ѣдетъ берегомъ крупымъ,
 И взоръ его лешаетъ
 Съ высотъ по злчнымъ берегамъ:
 Здѣсь видитъ лугъ цвѣпущій,
 Тамъ зашверхій городъ, тамъ
 Близъ водъ рыбачьи кущи.

Однажды — вечеръ знойный рдѣлъ
 На небѣ; лѣсъ дремучій
 Сквозъ пламень зарева синѣлъ,
 И громовыя пучи,
 Въ слѣдъ за багровою луной,
 Съ востока поднимались,
 И яркой молніи змѣей
 Въ ихъ нѣдрѣ извивались —
 Вадимъ вѣзжаетъ въ темный лѣсъ;
 Тамъ все въ пѣни молчало;
 Лишь прешаніе деревъ
 Грозу предвозвѣщало.

И дичь являлася кругомъ!
 Чуть небеса сквозь сѣни
 Свѣпили гаснущимъ лучёмъ;
 И деревья, какъ шѣни,
 Мелькали въ безднѣ темнопы
 Съ разверспыми вѣпвями!
 Вадимъ впередъ — хрусаятъ кусты
 Подъ конскими ногами;
 Вездѣ плепень изъ сучьевъ имъ
! Дорогу задвигаетъ
 Но ихъ мечемъ крушитъ Вадимъ,
 Конь грудью разрываетъ.

 И ѣдетъ онъ ужъ цѣлый часъ;
 Вдругъ — жалобные крики!
 То нѣжный и молящій гласъ,
 То яроспный и дикій!
 Зажглась въ немъ кровь; на вопли онъ
 Сквозъ чащу вѣпвей рвется;
 Конь пышетъ, лѣсъ прециптъ, и спонтъ
 Все ближе раздается;
 И вдругъ подъ нимъ въ дичи глухой,
 Какъ будто изъ шумана,
 Чуть освѣщенная луной
 Открылася поляна.

И чпожъ у Випязя въ глазахъ?
 Шумя между кустами,
 Съ медвѣжьей кожей на плечахъ,
 Съ дубиной за плечами,
 Огромный великанъ бѣжитъ,
 И на рукахъ могучихъ
 Красавицу младую мчитъ,
 Она въ слезахъ горючихъ,
 То силился бороться съ нимъ,
 То скорбно вопиеть къ Богу!
 «Спой!» крикнулъ хищнику Вадимъ,
 И заслонилъ дорогу.

Ни слова попъ на грозну рѣчь!
 Какъ бѣшенный оппрянулъ,
 Сорвалъ дубину съ крѣпкихъ плечъ,
 Взмахнулъ, въ Вадима грянулъ,
 И очи вспыхнули какъ жарь!
 Конь легкій оппашнулся!
 Въ корнистый дубъ пришелъ ударъ,
 И дубъ, преща, погнулся!
 Вадимъ всей силою меча
 Ударилъ въ исполина —
 Рука оппала опъ плеча,
 И въ прахъ легла дубина.

И хищникъ, рухнувъ, захрипѣлъ —

Подъ конскими ногами;

Рванулся вспасть; оцѣпенѣлъ,

И спихъ, грозя очами;

И смерть молчаньемъ заперла

Уста, вопишь опверзшы;

И, роя землю, замерла

Рука, разинувъ персты.

Слѣшипъ къ похищенной Вадимъ;

Она, какъ лисъ, дрожала,

И, сѣвши на коня за нимъ,

Въ слезахъ къ нему припала.

« Скажи мнѣ, дѣвица, кто ты? —

Кто буйный оскорбитель

Твоей дѣвичей красоты?

И гдѣ швоя обитель? »

— Князь Кіевскій родитель мой;

Градъ Кіевъ не далѣко;

Проѣдемъ скоро лѣсъ густой,

Увидимъ брегъ высокой:

Подъ берегомъ пѣмъ кипящъ, шумящъ

Въ скалахъ струи Днѣпровы,

На брегъ томъ и Кіевъ градъ

Позолоченны кровы.

— Я памѣ дни мирные вела,
 Не знаясь съ кручиной,
 И въ спароспи опцу была
 Ушѣхою единой.
 Не въ добрый часъ Липовскій Князь,
 Врагъ церкви православной,
 Меня узрѣлъ и, распалясь
 Душою звѣронравной,
 Послалъ къ намъ въ Кіевъ-градъ гонца,
 Чшобъ, шайною рукою
 Меня похищивъ у опца,
 Умчалъ въ Липву съ собою.

— Онъ скрылся на Днѣпрѣ-рѣкѣ
 Въ лѣсномъ уединеньи,
 Опгъ Кіева невдалекѣ;
 О дерзкомъ замышленьи
 Никпо и сонный не мечпалъ;
 Губипель не встрѣчался
 Въ лѣсу ни съ кѣмъ; какъ волкъ, онъ ждалъ
 Добычи и — дождался!
 Я нынче раннею порой
 Въ лугъ вышла, полевые
 Сбирапъ цвѣпки; пошли со мной
 Подружки молодыя.

— Мы росу брали на цвѣтахъ,
 Росою умывались,
 И рвали ягоды въ кустахъ
 И громко окликались.
 Ужъ солнце жгло съ полунебесъ;
 Я шла одна; кустами
 Вилась дорожка; темный лѣсъ
 Чернѣлъ передъ глазами.
 Вдругъ шумъ: смопрю ... злодѣй за мной!
 Спрахъ подкосилъ мнѣ ноги!
 Онъ сильною меня рукой
 Схватилъ — и въ лѣсъ съ дороги!

— Ахъ, чпо бѣ въ удѣлѣ доспалось мнѣ,
 Чпо было бы со мною,
 Когда бѣ не ты? Въ чужой снранѣ
 Изныла бѣ сиропною!
 Опѣ милыхъ ближнихъ вдалекѣ
 Живепѣ ли сердцу радостѣ?
 И въ безупѣшной бы поскѣ
 Моя увяла младостѣ!
 И съ горемъ дряхлой мой опецъ
 Повлекся бы ко гробу!.....
 Но слабостѣ зашщпилъ Творецъ,
 Сразилъ Всевышній злобу. —

Межъ тѣмъ съ поляны въ гущину —
 Въѣзжаешъ Випись; пучи,
 Сгуспясь, заволокли луну;
 Спаль душень лѣсъ дремучій
 Гроза собиралась; межъ листовъ
 Дождь крупный пробивался,
 И гуль тяжелыхъ облаковъ
 Съ ихъ ропотомъ мѣшался!
 Вдругъ вихоръ набѣжалъ на лѣсъ,
 И взрылъ деревъ вершины,
 И загорѣлися небесъ
 Кипящія пучины.
 И все взревѣло дождь рѣкой! —
 Громъ спрашный! прескъ за прескомъ!
 И шумъ воды! и вихря вой!
 И поминутнымъ блескомъ
 Воспламеняющійся лѣсъ!
 И вспрѣчу, справа, слѣва
 Ряды валящихся деревъ!
 Конь рвется; въ страхѣ дѣва;
 И, заслонивъ ее щипомъ,
 Вадимъ смятенный ищепъ,
 Гдѣ бѣ пріютишься но кругомъ
 Все дичь! и буря свищепъ!

И вдругъ ужъ нѣтъ дороги имъ;
 Спѣна изъ камней мшистыхъ;
 Громъ мчался по бокамъ крупымъ;
 Въ разсѣлинахъ лѣсистыхъ
 Спираясь, вихорь бушевалъ;
 И молніи горѣли;
 И въ безднѣ бури груди скалъ
 Сверкали и гремѣли.
 Вадимъ назадъ . . . но вдругъ ударъ!
 Ель, преснувъ, запылала;
 По вѣшьямъ пробѣжалъ пожаръ;
 Окрестность заблispала.

И въ заревѣ открылась имъ
 Пещера подъ скалою.
 Спѣшивъ къ убѣжищу Вадимъ;
 Забопливой рукою
 Онъ снялъ соупницу съ коня;
 Сложилъ съ раменъ колчугу,
 Зажегъ косперъ, и близъ огня,
 Взявъ на руки подругу,
 На броню сѣлъ. Дымясь, сверкалъ
 Въ коспрѣ огонь прескучій;
 Поверхъ пещеры громъ лепалъ,
 И бунповали тучи!

И, прислонивъ къ груди своей
 Вадимъ Княжну младую,
 Изъ золотыхъ ея кудрей
 Жалъ влагу дождевую;
 И, къ персямъ дѣвственнымъ утѣ
 Прижавъ, ихъ грѣлъ дыханьемъ;
 И въ нихъ вливалась теплота;
 И съ тихимъ прелепаньемъ
 Они касались устамъ;
 И дѣвица молчала;
 И, къ юноши прильнувъ плечамъ,
 Рука ея пылала.

Лазурны очи опуска,
 Въ объятіяхъ Вадима,
 Она, какъ тихое дымя,
 Лежала недвижима;
 И что съ невинною душой
 Сбылось — не постигала;
 Лишь сердце билось, и порой,
 Вся вспыхнувъ, прелепала;
 Лишь пламень гаснущій сіялъ
 Сквозь тѣнь рѣсницъ склоненныхъ,
 И вздохъ невольный вылеталъ
 Изъ устъ воспламененныхъ.

А выпязь? Чпо съ его душой? . . .

Увы! сихъ взоровъ сладоспъ,
 Сихъ чистыхъ, подъ его рукой
 Горящихъ, персей младоспъ,
 И мягкій шелкъ кудрей густыхъ,
 По раменамъ разлипыхъ,
 И свѣжій блескъ ланипъ молодыхъ,
 И успъ полуопкрыпыхъ
 Палящій жаръ, и шихой гласъ,
 И милое смяпенье,
 И ночи таинспвенный часъ,
 И вкругъ уединенье —

Все чувспва разжигало въ немъ!

О власп очарованья!
 Уже, исполнены огнемъ
 Кипящаго лобзанья,
 На дѣвспвенныхъ ея устахъ
 Его уста горѣли,
 И жарче розы на щекахъ
 Дрожащей дѣвы рдѣли;
 И все но вдругъ смупился онъ,
 И въ радоспномъ волненьи
 Запрепеналъ знакомый звонъ
 Раздался въ опдаленьи!

И долго, жалобно звѣнѣлъ
 Онъ въ безднѣ поднебесной;
 И кто-то, чудилось, лепѣлъ
 Незримый, но извѣстной;
 И взоръ, исполненный тоской,
 Мелькалъ сквозь покрывало;
 И подъ воздушной пеленой
 Печальное вздыхало....
 Но вдругъ сильнѣй попряся лѣсъ,
 И небо зашумѣло....
 Вадимъ взглянулъ — призракъ исчезъ;
 А въ вышинѣ.... звѣнѣло!

И вслѣдъ за милою мечпой
 Душа его спремилъ;
 Уже, подернувшись золой,
 Едва, едва курился
 Въ кострѣ огонь; на небесахъ
 Нѣтъ шучь, не слышно рева;
 Небрежно на его рукахъ,
 Припавъ къ нимъ грудью, дѣва
 Младенческій вкушаетъ сонъ,
 И тихо, тихо дышитъ;
 И близокъ ужъ разсвѣтъ; а онъ
 Не видитъ и не слышитъ.

Спалъ вѣяпъ свѣжій вѣперокъ,
 Взошла звѣзда денницы,
 И обагрянился воспокъ,
 И пробудились ппицы,
 Копыпомъ попнувъ, конь заржалъ;
 Вадимъ очнулся — ясно
 Все было вокругъ; но сонъ смыкалъ
 Глаза Княжны прекрасной;
 Къ ней тихо прикоснулся онъ;
 Вздохнувъ, она одѣла
 Власами грудь сквозь тонкій сонъ,
 Взглянула — покраснѣла.

И Вишязь въ шлемъ и бронѣ
 Изъ подъ скалы съ Княжною
 Выходитъ. Солнце въ вышинѣ
 Горѣло; подъ горою,
 Сіяя, пѣну распилалъ
 По камнямъ Днѣпръ широкой;
 И лѣсъ кругомъ благоухалъ;
 И благовѣспъ далёкой
 Былъ слышенъ. На коня Вадимъ,
 Перекрестясь, сядиша;
 Княжна по прежнему за нимъ;
 И конь вдоль берега мчиша.

Вдругъ путь широкой межъ деревьевъ:

Ихъ чаща раздалася,

И въ голубой дали небесъ,

Какъ звѣздочка, зажглася

Глава Печерская съ крестомъ.

Конь скачешъ быспрымъ скокомъ!

Ужъ въ градъ онъ! ужъ предъ дворцомъ!

И видяшъ: на высокомъ

Крыльцѣ Великій Князь споншъ;

Въ очахъ его кручина;

Передъ крыльцомъ народъ кинишъ,

И спроишся дружина.

И смѣлыхъ вызываешъ онъ

Въ погоню за Княжною,

И избавишелю свой пронъ

Сулишъ съ ея рукою.

Но попошъ слышенъ въ шшинѣ;

Густая пыль клубишся;

И видяшъ, съ дѣвой на конѣ

Красивый всадникъ мчишся.

Народъ опхлынулъ, какъ волна;

Дружина распушилась;

И на рукахъ опца Княжна

При кликахъ очушилась.

Обнявъ Вадима, Князь сказалъ:

« Я не нарушу слова!

Въ тебѣ Господь мнѣ сына далъ
Замѣною роднаго.

Я спаръ; будь хилыхъ спарца дней
Опорой и усладой;

А смѣлой доблести пвоей

Будь дочь моя наградой!

Когда жъ наспушптъ мой конецъ,
Тогда мою державу

И свѣплый Княжескій вѣнецъ

Наслѣдуй въ честь и славу! »

И громко, громко раздалось
Дружины восклицанье!

И зашумѣло, полилось
По граду ликованье!

Богапый пиръ на весь народъ!

Весь городъ изукрашенъ;

Кипиптъ въ заздравныхъ кружкахъ мѣдъ;

Спопы прещаптъ опъ брашенъ;

Поюптъ пѣвцы; колокола

Гудяптъ, не умолкая;

И опъ огней попѣшныхъ мгла

Зардѣлася ночная.

Веселье всѣмъ: одинъ Вадимъ

Не веселъ — мысль далёко!

Сердечной думою помимъ,

Безмолвенъ, одинокой,

Ни пѣснямъ, ни привѣшамъ онъ

Не внемлетъ равнодушный;

Онъ спушитъ шагъ — и слышитъ звонъ;

Подыметъ взоръ — воздушный

Призракъ лепашъ передъ нимъ

Въ знакомомъ покрывалъ;

Приклонитъ слухъ — швердятъ: Вадимъ!

Не забывайся! далъ!

Идетъ къ Днѣпровымъ берегамъ

Онъ тихими шагами,

И, смущенъ, взоръ склонилъ къ водамъ...

Небесная съ звѣздами

Была въ нихъ швердь отражена;

Вдали, проливъ закаша,

Всходила полная луна!

Вадимъ глядитъ межъ злапа

Осыпанныхъ луною волнъ

Какъ будто бы чернѣетъ,

Въ зыбяхъ ныряя, легкій чолнъ,

За нимъ спруя бѣлѣетъ.

Глядишь Вадимъ . . . челнокъ плывешь . . .

Напрянуто въприло ;

Но безъ гребца весло гребешь ;

Безъ кормщика кормило ;

Вадимъ къ нему . . . къ Вадиму онъ . . .

Садился . . . чолнъ помчало

И вдругъ . . . какъ будто съ юга звонъ ;

И вдругъ . . . все замолчало . . .

Плывешь челнокъ ; Вадимъ глядишь ;

Сверкая, волны плещутъ ;

Лѣсиспый брегъ назадъ бѣжитъ ;

Ночныя звѣзды блещутъ.

Быспрѣй, быспрѣй въ рѣкѣ волна ;

Челнокъ быспрѣй, быспрѣе ;

Свѣплѣе на небѣ луна ;

На брегѣ лѣсъ шемнѣе.

И далѣ, далѣ все кругомъ

Молчишь какъ великаны,

Скалы нагнулись надъ Днѣпромъ ;

И, черенъ, сквозь шуманы

Глядися въ рѣку тихій лѣсъ

Съ упесиспой спремнины ;

И ужъ луна почти небесъ

Дошла до половины.

Сидить, задумавшись, Вадимъ;
 Вдругъ . . . что-то пролетѣло;
 И облачко луну, какъ дымъ
 Невидимый, одѣло;
 Луна посмеркла; по волнамъ,
 По шихимъ сѣнямъ лѣса,
 По берегу, по крупнымъ скаламъ
 Раскинулась завѣса;
 Шагнулъ въприломъ въперокъ,
 И руль зашевелился,
 Ко берегу повернулъ челнокъ,
 Доплылъ, остановился.

Вадимъ на берегъ; опъ берега чолнъ;
 Въприло заиграло;
 И вдругъ вдали, съ зыбями волнъ
 Смѣшавшись, все пропало.
 Въ недоумѣніи Вадимъ;
 Кругомъ скалы, какъ пучи;
 Безмолвенъ, дикъ, необозримъ,
 По камнямъ боръ дремучій
 Съ рѣки до берега вышины
 Восходитъ; все въ молчаньѣ
 И пускло падаетъ луны
 На мглу вершинъ сіянье.

И тихо по скаламъ крупымъ,
 Влекомый шайной силой,
 На верхъ взбирается Вадимъ.
 Онъ смопритъ — все уныло;
 Какъ трупы, сосны подъ правой
 Обрушенные плѣютъ;
 На сучьяхъ мохъ виситъ сѣдой;
 Разинувшись, чернѣютъ
 Разсѣлины дуплистыхъ пней,
 И въ нихъ глазами блещетъ
 Сова, иль чешуями змѣй,
 Ворочаясь, препещетъ.

И, мнился, жизни въ шой спрантъ
 Опъ вѣка не бывало;
 Какъ бы съ созданья въ мершвомъ снѣ
 Древа, и не смущало
 Ихъ сна ничто: ни вѣперка
 Передъ денницей шопотъ,
 Ни легкій шорохъ мошылка,
 Ни вепря шажкой шопотъ.
 Уже Вадимъ на вышинѣ;
 Вдругъ боръ рѣдѣетъ тѣмной;
 Раздвинулся . . . и при лунѣ
 Явился холмъ огромной.

И на вершинѣ древній храмъ;
 Блестящими крестами
 Увѣнчаны главы; къ дверямъ
 Тяжелыми винами
 Огромный пригвожденъ запворъ;
 Вкругъ храма переходы,
 Сполбы, обрушенный заборъ,
 Распреснутые своды
 Трапезы, келій рядъ пуспыхъ,
 И всюду по колѣни
 Понынѣ, и длинныя опѣхъ
 По скапу холма шѣни.

Вадимъ подходитъ: не вдали
 Могильный видѣнъ камень;
 Крестъ наклонился до земли;
 И легкій, блѣдный пламень,
 Какъ свѣчка шеплился надъ нимъ;
 И воронъ, пшица нѣчи,
 На немъ, какъ призракъ, недвижимъ
 Сидитъ, унылы очи
 Вперивъ на мѣсяцъ. Вдругъ, крыломъ
 Взмахнувъ, онъ пробудился,
 Взвился и на небѣ пуспомъ,
 Трикрапы крикнувъ, скрылся.

Объялъ Вадима тайный страхъ ;

Глядишь въ недоуменьѣ ;

И дивное погда въ глазахъ

Вадимовыхъ явленье :

Онъ видишь, нѣкто приподнялъ

Изсохшими руками

Могильный камень; блѣдень вспаль ;

Туманными очами

Блеснулъ, возвелъ ихъ къ небесамъ ,

Какъ будпо бы моляся ;

Пошелъ ; спучащся началъ въ храмъ . . .

Но дверь не отперлася.

Вздохнувъ, повлекся далѣ онъ ;

И тихій подъ спопами

Былъ слышенъ шумъ, и долго, спонъ

Пуская, межъ спѣнами,

Между обломками сполбовъ ,

Какъ блѣдный дымъ, мелькала

Бредуща пѣнь вдругъ межъ кусповъ

Вдали она пропала.

Тамъ, боромъ покровень, ушесъ

Вздымался, крупъ и спрашенъ ,

И при лунѣ изъ - за деревесъ . . . !

Являлись кровы башень.

Вадимъ шуда: уединень,
 На грудѣ скалъ мохнашыхъ,
 Надъ чернымъ боромъ, обнесенъ
 Оградой спѣнь зубчатыхъ,
 Спойишь шамъ замокъ, пихъ, какъ сна
 Безмолвное жилище,
 И вся окреснь его спрана
 Угрюма, какъ кладбище;
 И башни по угламъ спояшь,
 Какъ призраки сѣдые,
 И сгромоздилися у врагъ
 Скалы спорожевыя.

Душа Вадимова полна
 Смятеннымъ ожиданьемъ —
 И свѣпишь сумрачнымъ луна
 Сквозь облако сіяньемъ.
 Но вдругъ... слепѣль съ луны шуманъ,
 И боръ засеребрился,
 И замокъ весь, какъ великанъ,
 Надъ боромъ освѣпился;
 И опъ воспока вѣперокъ
 Подулъ передразвѣпный,
 И чу!... изъ-за спѣны звонокъ
 Послышался привѣпный.

И что жь онъ видить? По спѣнь,
 Какъ пѣнь уединенна,
 Съ воспочной къ западной спранѣ,
 Туманнымъ облеченна
 Покровомъ, дѣвица идетъ;
 На встрѣчу къ ней другая;
 И та, приближась, подаетъ
 Ей руку и, вздыхая,
 Путь одинокій вдоль спѣны
 На западъ продолжаетъ;
 Другая жь, къ замку съ вышины
 Спустившись, исчезаетъ.

И за идущею во слѣдъ
 Вадимъ лепить очами;
 Ужь, ясенъ, молодой разсвѣтъ
 Вспаетъ межъ облаками;
 Ужь загораеся воспокъ...
 Она все далѣ, далѣ;
 И тихо ранній вѣперокъ
 Играетъ въ покрывалѣ;
 Идетъ — глаза опущены,
 Глава на грудь склонилась —
 Пришла на поворотъ спѣны;
 Поворошила; скрылась.

Споишъ, какъ вкопанный, Вадимъ;
 Душа въ немъ замираешъ:
 Какъ будто ликъ свой передъ нимъ
 Судьба разоблачаешъ!
 Блѣднѣе пусклая луна;
 Свѣшлѣй воспокъ багровый;
 И озаряешся спѣна,
 И ярко блещушъ кровы;
 Къ восточной обращаешъ спранѣ,
 Ждешъ вишязь вдругъ вспылала
 Въ немъ кровь . . глядишъ . . . памъ на спѣнѣ
 Идущая предспала.

Идешъ; на темный смопришъ боръ;
 Какъ будто ждешъ въ волненьѣ,
 Какъ бы чего-то ищешъ взоръ
 Въ пустынномъ опдаленьѣ
 Вдругъ солнце въ пламени лучей
 На краѣ неба спало
 И вишязь въ блескѣ передъ ней!
 Какъ облакъ, покрывало
 Слепѣло съ юнаго чела —
 — Ихъ вспрѣпилися взоры!
 И пала опъ ворошъ скала!
 И раздалися ихъ створы!

Спремипся на ограду онъ!

Идепъ она съ ограды!

Сошлись!... о вѣщій, вѣрный сонъ!

О часть свяшой награды!

Свершилось! все — и раннихъ лѣтъ

Прекрасныя желанья,

И озаряющія свѣтъ

Младой души мечтанья,

И все, чего мы здѣсь не зримъ,

Что вѣрѣ лишь открыто —

Все вдругъ явилось передъ нимъ,

Въ единый образъ слило!

Глядяпъ на небо; слезы льютъ,

Воспоргомъ словъ лишенны...

И вдругъ опъ перема идупъ

Къ нимъ дѣвы пробужденны:

Какъ звѣзды блещутъ очеса;

На ясныхъ лицахъ радостъ,

И искупленія краса,

И новой жизни младостъ.

О сладкій воскресенья часъ!

Имъ мнилось: міръ раждался!

Вдругъ... звучно благовѣста гласъ

Въ пиши небесъ раздался.

И что жь? Храмъ Божій опворенъ;
 Тамъ слышился моленъе;
 Они шуда: храмъ освѣщенъ;
 Въ кадильницахъ куренье;
 Передъ Угодникомъ горипть,
 Какъ въ древни дни, лампада,
 И благодатное бѣжитъ
 Сіянiе опъ взгляда;
 И нѣкшо, свѣпель, въ алшарѣ,
 — Просперпть передъ Поширомъ,
 И возглашается горѣ
 Хвала незримымъ клиромъ.

Молясь, съ подругой спалъ Вадимъ
 Предъ Царскими дверями,
 И вдругъ свяшой налой предъ нимъ;
 Главы ихъ подъ вѣнцами;
 Въ рукахъ свѣчи воспалены;
 И кольца обручальны
 На перспы ихъ возложены;
 И слышенъ гимнъ вѣнчальный. . . .
 И вдругъ все тихо! гимнъ молчипть;
 Безмолвны своды храма;
 Одинъ лишъ, таинспвенъ, блесшипть
 Олшаръ средъ ѳиміама.

И въ семь молчаньи кто-то къ нимъ
 Привѣшный подлешаетъ,
 Ихъ кличетъ именемъ роднымъ,
 Ихъ нѣжно опзываетъ . . .
 Куда же? О священный видъ!
 Могила передъ ними!
 И въ ней спокойно; дернъ покрытъ
 Цвѣтами молодыми;
 И дышетъ вѣперокъ окреситъ,
 Какъ духъ безплодный вѣя,
 И обвиваетъ свѣплый креситъ
 Прекрасная лилея.

Они просперлись ницъ въ слезахъ:
 Ихъ сердце вѣспи ждало,
 И препеномъ священный прахъ
 Могила вопрошало
 И было всё для нихъ опвѣштъ:
 И холмъ помолодѣлый,
 И луга обновленный цвѣштъ,
 И бѣгъ рѣки веселый,
 И воскрешенны деревья
 Съ вершинами живыми,
 И, какъ безсмертье, небеса
 Спокойныя надъ ними!

Промчались вѣки вслѣдъ вѣкамъ....

Гдѣ замокъ? гдѣ обитель?

Гдѣ чудомъ освященный храмъ?....

Все скрылось! .. лишь, хранитель
Давноминувшаго, живётъ

На прахъ ихъ Преданье!

Есть мѣсто тамъ игривыхъ водъ

Плѣнительно сверканье;

Тамъ вѣчно зеленъ пышный лѣсъ;

Тамъ сладокъ вѣпра шепотъ,

И съ тихимъ говоромъ древесъ.

Волны сліянный ропотъ.

На мѣстѣ ономъ — шакъ гласитъ

Правдивое Преданье —

Былъ пепелъ инокинъ сокрытъ:

Въ поспѣ и покаянѣ

При гробѣ грѣшника-опца

Онѣ кончины ждали,

И примиреннаго Творца

Въ молитвахъ прославляли...

И улепѣла къ небесамъ

Съ земли ихъ жизнь свялая,

Какъ улепаетъ еиміамъ

Съ кадилъ, благоухая.

На мѣстѣ ономъ — въ свѣплый часъ
 Земли преображенья —
 Когда, послышавъ упра гласъ,
 Съ звѣздою пробужденья,
 Воспока Ангелъ въ пишинѣ
 На край небесъ взлещаетъ,
 И по шуманной вышинѣ
 Зарю разпроспирасяетъ,
 Когда и холмъ и лугъ и лѣсъ
 Все оживленнымъ зрится
 И предъ свѣпилицемъ небесъ,
 Какъ жершва, все дымится —
 Бывають шайны чудеса,
 Невиданныя взоромъ:
 Опшельницъ слышны голоса;
 Горѣ хвалебнымъ хоромъ
 Поють сквозь занавѣсъ зари
 Блищася кресла; сліяны
 Изъ свѣта зрится алшари;
 И, яркими вѣнчанны
 Звѣздами, дѣвы предстоятъ
 Съ молитвой ихъ свѣпынѣ,
 И Серафимовъ шѣмы кипятъ
 Въ пылающей пучинѣ.
 КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Въ началѣ сего — въ началѣ сего

Земли —

Которы, находясь въ томъ числѣ,

Съ извѣстными извѣстностями,

Всѣмъ извѣстными —

И въ томъ числѣ —

И въ томъ числѣ —

Земли —

Которы и въ томъ числѣ —

Всѣмъ извѣстными —

И въ томъ числѣ —

Которы и въ томъ числѣ —

Всѣмъ извѣстными —

И въ томъ числѣ —

Земли —

Которы и въ томъ числѣ —

Всѣмъ извѣстными —

И въ томъ числѣ —

Земли —

Которы и въ томъ числѣ —

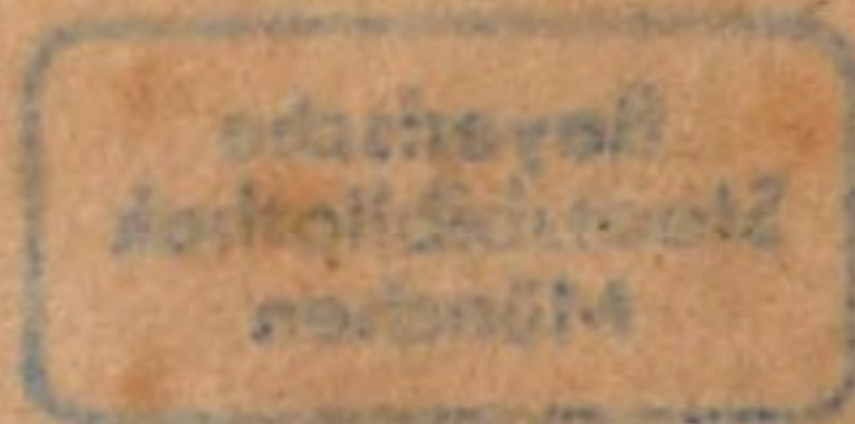
Всѣмъ извѣстными —

И въ томъ числѣ —

Земли —

Которы и въ томъ числѣ —

Всѣмъ извѣстными —

Продается въ книжномъ магазинѣ Смирдина.

Цѣна 10 рублей, съ пересылкою 12 руб.

H. Heine

Žukovskij, Vasilij Andreevič,

Ballady i pověsti V. A. Žukovskago

Bd.: 1. S gravir. vinétkoju i kart. - 1831. - 277 S.

Sanktpeterburg 1831

P.o.russ. 117 y-1

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10610209-6